

PG3467

.K93

S4

1923a

Please keep this card in
book pocket

Please keep this card in
book pocket

XEROX-PRINTER-11

copy

FURTHER

39 40 41 42 43 44 45 46 47 48 49 50 51 52 53 54 55 56 57 58 59 60 61 62 63 64 65 66 67 68 69 70 71 72 73 74 75 76 77 78 79 80

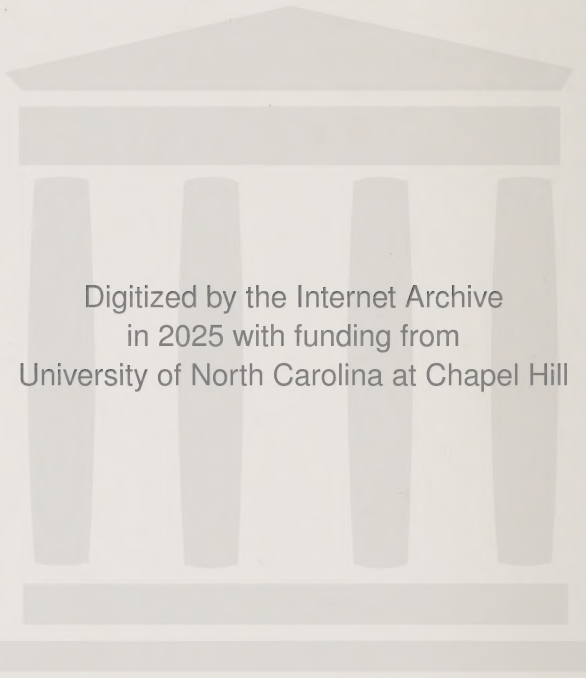
[illegible]

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

PG3467
K93
S4
1923a

This book is due at the WALTER R. DAVIS LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

[illegible]

Digitized by the Internet Archive
in 2025 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

* * *

This is an authorized facsimile of the original book, and was produced in 1970 by microfilm-xerography by University Microfilms, A Xerox Company, Ann Arbor, Michigan, U.S.A.

* * *

М. КУЗМИН

PG 3467

.K93

MC

SA

1923a

С Е Т И,

ПЕРВАЯ КНИГА СТИХОВ

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

0824885
755 779

1/3

ПЕТРОПОЛИС

· ПЕТЕРБУРГ — БЕРЛИН

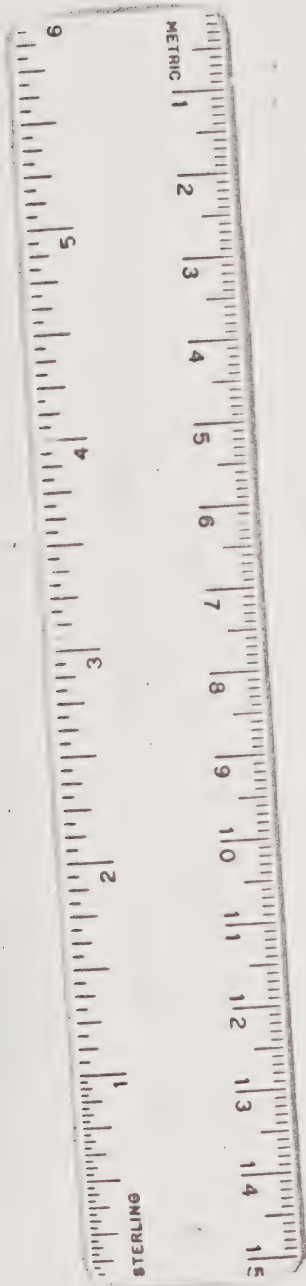
1 9 2 3

Настоящая книга отпечатана
Издательством „Петрополис“
в типографии Зинабург и Ко.
в Берлине в Январе 1923.

Обложка работы
Н.И. Альтмана

*Alle Rechte insbesondere das
der Uebersetzung vorbehalten.*

Copyright 1923 by Petropolis, Berlin.

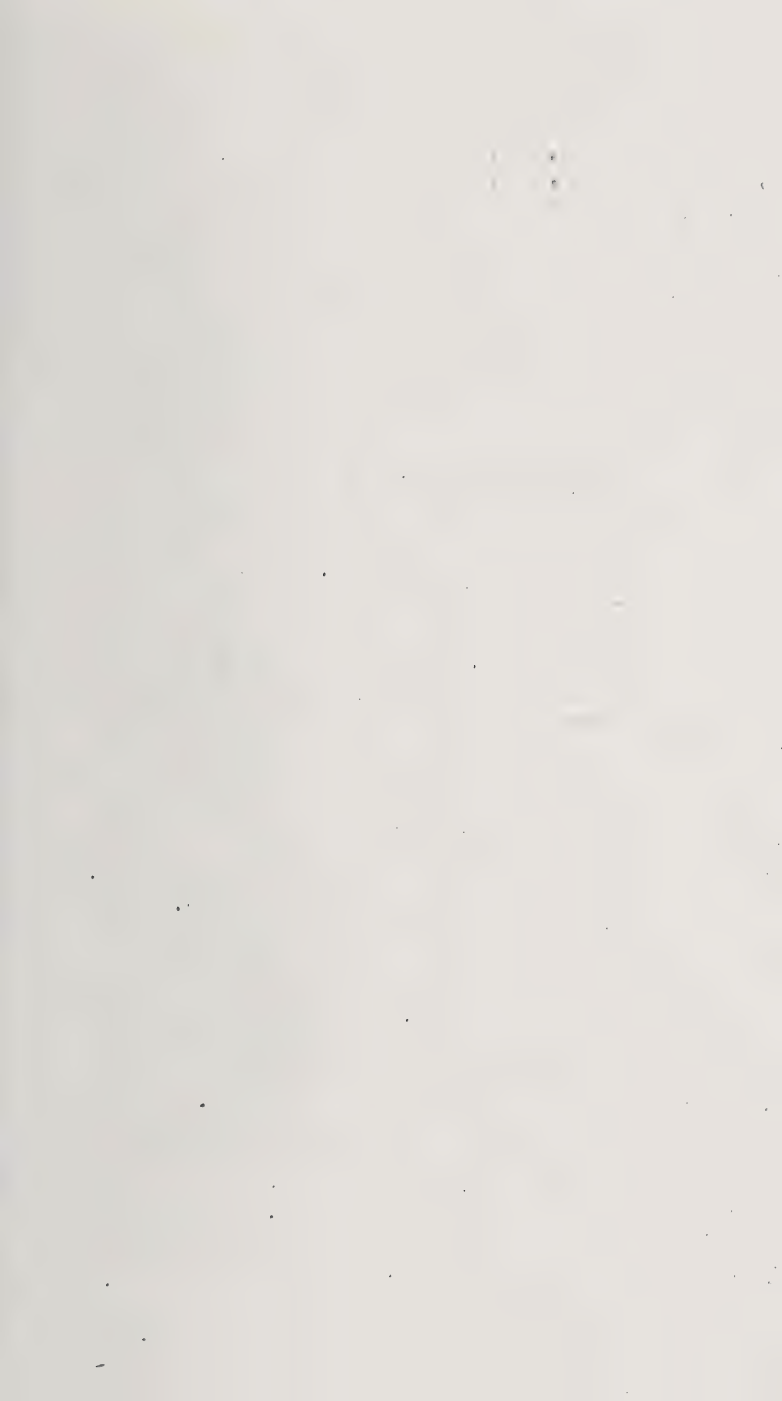
СЕТИ

Slav 4345.31.21

✓

МОИ ПРЕДКИ

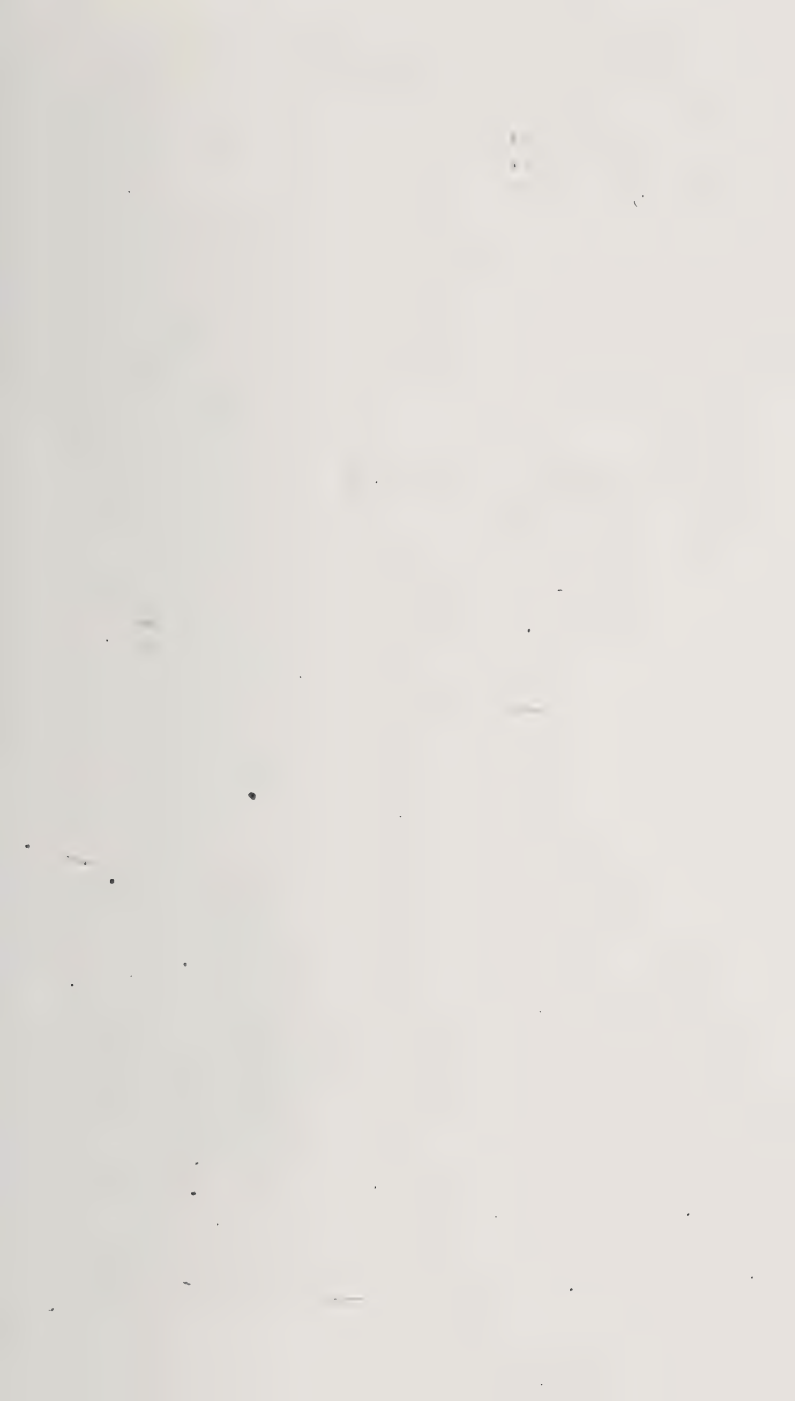

Моряки старинных фамилий,
влюбленные в далекие горизонты,
пьющие вино в темных портах,
обнимая веселых иностранок;
франты тридцатых годов,
подражающие д'Орсэ и Брюммелю,
внося в позу дэнди
 всю наивность молодой расы;
важные, со звездами, генералы,
бывшие милыми повесами когда-то,
сохраняющие веселые рассказы за ромом,
всегда одни и те же;
милые актеры без большого таланта,
принесшие школу чужой земли,
играющие в России „Магомета“
и умирающие с невинным вольтерьянством;
вы — барышни в бандо,
с чувством играющие вальсы Маркалью,
вышивающие бисером кошельки
для женихов в далеких походах,
говеющие в домовых церквях
и гадающие на картах;
экономные, умные помещицы,
хвастающиеся своими запасами,

умеющие простить и оборвать
и близко подойти к человеку,
насмешливые и набожные,
встающие раньше зари зимою;
и прелестно-глупые цветы театральных училищ,
преданные с детства искусству танцев,
нежно развратные,
чисто порочные,
разоряющие мужа на платья
и выдающие своих детей полчаса в сутки;
и дальше, вдали — дворяне глухих уездов,
какие-нибудь строгие бояре,
бежавшие от революции французы,
не сумевшие взойти на гильотину —
все вы, все вы —
вы молчали ваш долгий век,
и вот вы кричите сотнями голосов,
погибшие, но живые,
во мне: последнем, бедном,
но имеющем язык за вас,
и каждая капля крови
близка вам,
слышит вас,
любит вас;
и вот все вы:
милые, глупые, трогательные, близкие,
благословляйтесь мною
за ваше молчаливое благословенье.

Май. 1907 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

П. К. МАСЛОВУ

I

ЛЮБОВЬ ЭТОГО ЛЕТА

Где слог найду, чтоб описать прогулку,
 Шабли во льду, поджаренную булку
 И вишен спелых сладостный агат?
 Далеك закат, и в море слышен гулко
 Плеск тел, чей жар прохладе влаги рад,

Твой нежный взор лукавый и манящий, —
 Как милый вздор комедии звенящей
 Иль Мариво капризное перо.
 Твой нос Пьеро и губ разрез пьянящий
 Мне кружит ум, как „Свадьба Фигаро“.

> Дух мелочей, прелестных и воздушных,
 Любви ночей, то нежащих, то душевных,
 Веселой легкости бездумного житья!
 Ах, верен я, далеk чудес послушных
 Твоим цветам, веселая земля!

Глаз змеи, змеи извивы,
Пестрых тканей переливы,
Небывалость знойных поз...
То бесстыдны, то стыдливы,
Поцелуев все отливы,
Сладкий запах белых роз...

Замиранье, обниманье,
Рук змеистых завиванье
И искусный трепет ног...
И искусное лобзанье,
Легкость близкого свиданья
И прощанье чрез порог.

Ах, уста, целованные столькими,
Столькими другими устами,
Вы пронзаете стрелами горькими,
Горькими стрелами, стами.

Расцветете улыбками бойкими
Светлыми весенними кустами,
Будто ласка перстами легкими,
Легкими милыми перстами.

Пилигрим, разбойник ли дерзостный —
Каждый поцелуй к вам доходит.
Антиной, Ферсит ли мерзостный —
Каждый свое счастье находит.

Поцелуй, что к вам прикасается,
Крепкою печатью ложится,
Кто устам любимым причащается
С прошлыми со всеми роднится.

Взгляд мольбы, на иконе оставленный,
Крепкими цепями там ляжет:
Древний лик, мольбами прославленный,
Цепью той молящихся вяжет.

Так идешь местами ты скользкими,
Скользкими, святыми местами. —
Ах, уста целованные столькими,
Столькими другими устами.

Умывались, одевались,
После ночи целовались,
После ночи, полной ласк.
На сервизе лиловатом,
Будто с гостем, будто с братом
Пили чай не снявши маск.

Наши маски улыбались,
Наши взоры не встречались
И уста наши немые.
Пели „Фауста“, играли,
Будто ночи мы не знали,
Те, ночные, те — не мы.

Из поднесенной некогда корзины
Печально свесилась сухая роза,
И пели нам ту арию Розины:
„Io sono docile, io sono rispettosa“.

Горели свечи, теплый дождь чуть слышен
Стекал с деревьев, наводя дремоту,
Пезарский лебедь, сладостен и пышен,
Венчал малейшую весельем ноту.

Рассказ друзей о прожитых скитаньях,
Спор изощренный, где ваш ум витает.
А между тѣм в напрасных ожиданиях
Мой нежный друг один в саду блуждает.

Ах, звуков Моцарта светлы лобзанья,
Как дали Рафаэлева „Парнаса“,
Но мысли не прогнать им, что свиданья
Я не имел с четвертого уж часа.

Зачем луна, поднявшись, розовеет,
 И ветер веет, теплой неги полн.
 И челн не чует змейной зыби волн,
 Когда мой дух все о тебе говеет?

Когда не вижу я твоих очей,
 Любви ночей воспоминанья жгут —
 Лежу—и тут ревниво стерегут
 Очарованья милых мелочей.

И мирный вид реки в изгибах дальних
 И редкие огни неспящих окн,
 И блеск изломов облачных волокн
 Не сгонят мыслей, нежных и печальных.

Других садов тенистые аллеи —
 И блеск неверный утренней зари...
 Огнем последним светят фонари...
 И милой резвости любовных затей...

Душа летит к покинутым забавам,
 В отравках легких крепкая есть нить,
 И аромата роз не заглушить
 Простым и кротким сельским, летним травам.

Мне не спится: дух томится,
Голова моя кружится
И постель моя пуста, —
Где же руки, где же плечи,
Где ж прерывистые речи
И любимые уста?..

Одеяло обвивало,
Тело знойное пылало,
За окном чернела ночь...
Сердце бьется, сухи руки.
Отогнать любовной скуки
Я не в силах, мне не в мочь...

Прижимались, целовались,
Друг со дружкой сплетались,
Как с змеею паладин...
Уж в окно запахла мята,
И подушка вся измята,
И один я, все один...

Каждый вечер я смотрю с обрывов
На блестящую вдали поверхность вод;
Замечаю, какой бежит пароход:
Каменский, Волжский или Любимов.
Солнце стало совсем уж низко,
И пристально смотрю я всегда,
Есть ли над колесом звезда,
Когда пароход проходит близко.
Если нет звезды — значит, почтовый,
Может письма мне привезти.
Спешу к пристани вниз сойти,
Где стоит уже почтовая тележка готовой.
О, кожаные мешки с большими замками,
Как вы огромны, как вы тяжелы!
И неужели нет писем от тех, что мне милы,
Которые бы они написали своими дорогими руками?
Так сердце бьется, так ноет сладко,
Пока я за спиной почтальона жду,
И не знаю, найду письмо, или не найду,

И мучит меня эта дорогая загадка.

О, дорога в гору уже при звездах.

Одному, без письма!

Дорога — пряма.

Горят редкие огни, дома в садах, как в гнездах.

А вот письмо от друга: „Всегда вас вспоминаю,

Будучи с одним, будучи с другим“.

Ну что ж, каков он есть, таким

Я его и люблю и принимаю.

Пароходы уйдут с волнами,

И печально гляжу во след им я —

О, мои милые, мои друзья,

Когда же опять я увижусь с вами?

Сижу, читая я сказки и были,
 Смотрю в старых книжках умерших портреты,
 Говорят в старых книжках умерших портреты:
 „Тебя забыли, тебя забыли“...

— Ну, что же делать, что меня забыли,
 Что тут поможет, старые портреты? —
 И спрашивал, что поможет, старые портреты,
 Угрозы ли, клятва ль, мольбы ли?

„Забудешь и ты целованные плечи,
 Будь, как мы, старым влюбленным портретом:
 Ты можешь быть хорошим влюбленным портретом
 С томным взглядом, без всякой речи“.

— Я умираю от любви безмерной!
 Разве вы не видите, милые портреты? —
 „Мы видим, мы видим“, — молвили портреты,
 „Что ты — любовник верный, верный и примерный?

Так читал я, сидя, сказки и были,
 Смотря в старых книжках умерших портреты.
 И не жалко мне было, что шептали портреты:
 „Тебя забыли, тебя забыли“.

Я изнемог, я так устал.
О чем вчера еще мечтал
Вдруг потеряло смысл и цену.
Я не могу уйти из плену
Одних лишь глаз, одних лишь плеч,
Одних лишь нежно-страстных встреч.

Как раненый, в траве лежу,
На месяц молодой гляжу.
Часов протяжных перемена,
Любви все той же — не измена.
Как мир мне чужд, как мир мне пуст,
Когда не вижу милых уст!

О радость сердца, о любовь,
Когда тебя увижу вновь?
И вновь пленительной отравой
Меня насытит взор лукавый,
И нежность милых прежних рук
Опять вернет мне верный друг?

Лежу и мыслю об одном:
Вот дальний город, вот наш дом,
Вот сад, где прыгают гимнасты,
Куда сходились мы так часто,
О милый дом!.. о твой порог!
Я так устал, так изнемог...

Ничего, что мелкий дождь смочил одежду:
Он принес с собой мне сладкую надежду.

Скоро, скоро этот город я покину,
Перестану видеть скучную картину.

Я оставшиеся дни, часы считаю,
Не пишу уж, не гуляю, не читаю.

Скоро в путь, — так уж не стоит приниматься.
Завтра утром, завтра утром собираться!

Долгий путь, ты мне несносен и желанен,
День от'езда, как далек ты, как ты странен!

И стремлюсь я, и пугаюсь, и робею,
В близость нежной встречи верить я не смею

Промелькнут луга, деревни, горы, реки,
Может-быть, уж не увижу их во веки.

Ничего-то я не вижу и не знаю, —
Об очах, устах любимых лишь мечтаю.

Сколько нежности в разлуке накоплю я —
Столь сильнее будет сладость поцелуя.

И я рад, что мелкий дождь смочил одежду;
Он принес с собой мне сладкую надежду.

Пароход бежит, стучит,
 В мерном стуке мне звучит:
 „Успокойся, друг мой, скоро
 Ты увидишь нежность моря,
 Отдохнешь от скучных мук
 В сладких ласках прежних рук“

Сплю тревожно; в чутком сне
 Милый друг все снится мне:
 Вот прощанье, вот пожатья,
 Снова встреча, вновь об'ятья
 И разлукой стольких дней
 Час любви еще сильней.

Под окошком я лежу
 И в окно едва гляжу.
 Берега бегут игриво,
 Будто Моцарта мотивы,
 И в разрывы светлых туч
 Мягко светит солнца луч

Я от счастья будто пьян.
Все милы мне: капитан,
Пассажиры и матросы,
Лишь дорожные расспросы
Мне страшны, чтобы мой ум
Не утратил ясных дум.

Пароход бежит, стучит,
В мерном стуке мне звучит:
„Успокойся, друг мой, скоро
Ты увидишь нежность взора,
Отдохнешь от скучных мук
В сладких ласках прежних рук“.

1906. Июнь—Август

II

ПРЕРВАННАЯ ПОВЕСТЬ

МОЙ ПОРТРЕТ

Любовь водила Вашею рукою,
Когда писали этот Вы портрет,
Ни от кого лица теперь не скрою,
Никто не скажет: „не любил он, нет“.

Клеймом любви навек запечатленны
Черты мои под Вашею рукой;
Глаза глядят, одной мечтой плененны,
И беспокоен мертвый их покой.

Венок за головой, открыты губы,
Два ангела напрасных за спиной.
Не поразит мой слух ни гром, ни трубы,
Ни тихий зов куда-то в край иной.

Лишь слышу голос Ваш, о Вас мечтаю,
На Вас направлен взгляд недвижных глаз.
Я пламенею, холодею, таю,
Лишь приближаясь к Вам, касаясь Вас,

И скажут все, забывши о запрете,
Смотря на смуглый, томный мой овал:
„Одним любовь водила при портрете —
Другой — его любовью колдовал“.

В ТЕАТРЕ

Переходы, корридоры, уборные,
Лестница витая, полутемная;
Разговоры, споры упорные,
На дверях занавески нескромные.

Пахнет пылью, скипидаром, белилами,
Издали доносятся овации,
Балкончик с шаткими перилами,
Чтоб смотреть на полу декорации.

Долгие часы ожидания,
Болтовня с маленькими актрисами,
По уборным, по фойе блуждание,
То в мастерской, то за кулисами.

Вы придете совсем неожиданно,
Звонко стуча по корридору —
О, сколько значенья придано
Походке, улыбке, взору!

Сладко быть при всех поцелованным.
С приветом, казалось бы, бездушным,
Сердцем внимать окованным
Милым словам равнодушным.

Как люблю я стены посыревшие
Белого зрительного зала,
Сукна на сцене серевшие,
Ревности жало!

НА ВЕЧЕРЕ

Вы и я, и толстая дама,
Тихонько затворивши двери,
Удалились от общего гама.

Я играл Вам свои „Куранты“,
Поминутно скрипели двери,
Приходили модницы и франты.

Я понял Ваших глаз намеки,
И мы вместе вышли за двери,
И все нам вдруг стали далеки.

У рояля толстая дама осталась,
Франты стадом толпились у двери,
Тонкая модница громко смеялась.

Мы взошли по лестнице темной,
Отворили знакомые двери,
Ваша улыбка стала более томной.

Занавесились любовью очи,
Уже другие мы заперли двери...
Если б чаще бывали такие ночи!

СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ

Целый день проведем мы сегодня вместе!
Трудно верить такой радостной вести!
Вместе будем ездить, ходить друг за другом следом:
Вы — в своей голландской шапке, с плэдом.
Вместе визиты, — на улицах грязно...
Так любовно, так пленительно-буржуазно!
Мы верны правилам веселого быта —
И „Шабли во льду“ нами не позабыто.
Жалко, что Вы не любите „Вены“,
Но отчего трепещу я какой-то измены?
Вы сегодня милы, как никогда не бывали,
Лучше Вас другой отыщется едва ли.
Приходите завтра, приходите с Сапуновым —
Милый друг, каждый раз Вы мне кажетесь новым!

КАРТОННЫЙ ДОМИК

Мой друг уехал без прощанья,
Оставив мне картонный домик.
Милый подарок, ты — намек или предсказанье?
Мой друг — бездушный насмешник или нежный

комик?

Что делать с тобою, странное подношение?

Зажгу свечу за окнами из цветной бумаги.

Не сулишь ли ты мне радости рождение?

Не близки ли короли-маги?

Ты — легкий, разноцветный и прозрачный,

И блестяшь, когда я огонь в тебе зажигаю.

Без огня ты — картонный и мрачный:

Верно ли я твой намек понимаю?

А предсказание твое — такое:

Взойдет звезда, придут волхвы с золотом, лада-
ном и смирной.

Что же это может значить другое,

Как не то, что пришлют нам денег, достигнем
любви, славы всемирной?

НЕСЧАСТНЫЙ ДЕНЬ

Я знаю, что у васъ такіе нравы:
Уехать не простясь, вернуться тайно,
Вамъ любо поступать необычайно, —
Но какъ Вамъ не сказать, что Вы не правы?

Быть в том же городе, так близко, близко —
И не видать, не слышать, не касаться,
Раз двадцать в день к швейцару вниз спускаться.
Смотреть, пришла ль столь жданная записка.

Нет, нет и нет! чужие ходят с Вами
И говорят, и слышат без участія
То, что меня ввергало-б в трепет счастья,
И руку жмут бездушными руками.

Извозчикам, актерам, машинистам —
Вы всем открыты, все Вас могут видеть,
Ну, что ж, любви я не хочу обидеть:
Я буду терпеливым, верным, чистым.

МЕЧТЫ О МОСКВЕ

Розовый дом с голубыми воротами;
Шапка голландская с отворотами:

Милые руки, глаза неверные,
Уста любимые (неужели лицемерные?);

В комнате гардероб, кровать двуспальная,
Изъ окна мастерской видна улица дальняя;

В Вашей столовой с лестницей внутренней
Так сладко пить чай, или кофей утренний;

Вместе целые дни, близкие гости редкие,
Шум, смех, пенье, остроты меткие;

Вдвоем по переулкам снежным блуждания
Долгим поцелуем ночи начало и окончание.

УТЕШЕНИЕ

Я жалкой радостью себя утешу,
Купив такую шапку, как у Вас;
Ее на вешалку, вздохнув, повешу,
И вспоминать Вас буду каждый раз.

Свое увидя мельком отражение,
Я удивлюсь, что я не вижу Вас,
И дорисует вмиг воображение
Под шапкой взгляд неверных, милых глаз.

И проходя случайно по передней,
Я вдруг пленюсь несбыточной мечтой,
Я обольщусь какой-то странной бредней:
„Вдруг он приехал, в комнате уж той“.

Мне видится знакомая фигура,
Мне слышится Ваш голос — то не сон —
Но тотчас я опять пройду понуро,
Пустой мечтой на миг лишь обольщен.

И залу взглядом обведу пустую:
Увы, стеклом был лживый тот алмаз!
И лишь печально отворот целую
Такой же шапки, как была у Вас.

ЦЕЛЫЙ ДЕНЬ

Сегодня целый день пробуду дома;
Я видеть не хочу чужих людей,
Владеет мною грустная истома,
И потерял я счет несчастных дней.

Морозно, ясно, солнце в окна светит,
Из детской слышен шум и смех детей;
Письмо, которому он не ответит,
Пишу я тихо в комнате своей.

Я посижу немного у Сережи,
Потом с сестрой, в столовой, у себя —
С минутой каждой Вы мне все дороже,
Забыв меня, презревши, не любя.

Читаю книгу я, не понимая,
И мысль одно и то же мне твердит:
„Далек зимой расцвет веселый Мая,
Разлукою любовь кто утвердит?“

Свет двух свечей не гонит полумрака,
Печаль моя — упорна и тупа.
И песенку пою я Далайрака
„Mon bien-aimé, hélas, ne revient pas!“

Вот ужин, чай, холодная котлета,
Ленивый спор домашних — я молчу;
И совершив обрядность туалета,
Скорей тушу унылую свечу.

ЭПИЛОГ

Что делать с вами, милые стихи?
Кончаются, едва начавшись.
Счастливы все: невесты, женихи,
Покойник мертв, скончавшись.

В романах строгих ясны все слова,
В конце — большая точка;
Известно — кто Арман, и кто вдова,
И чья Элиза дочка.

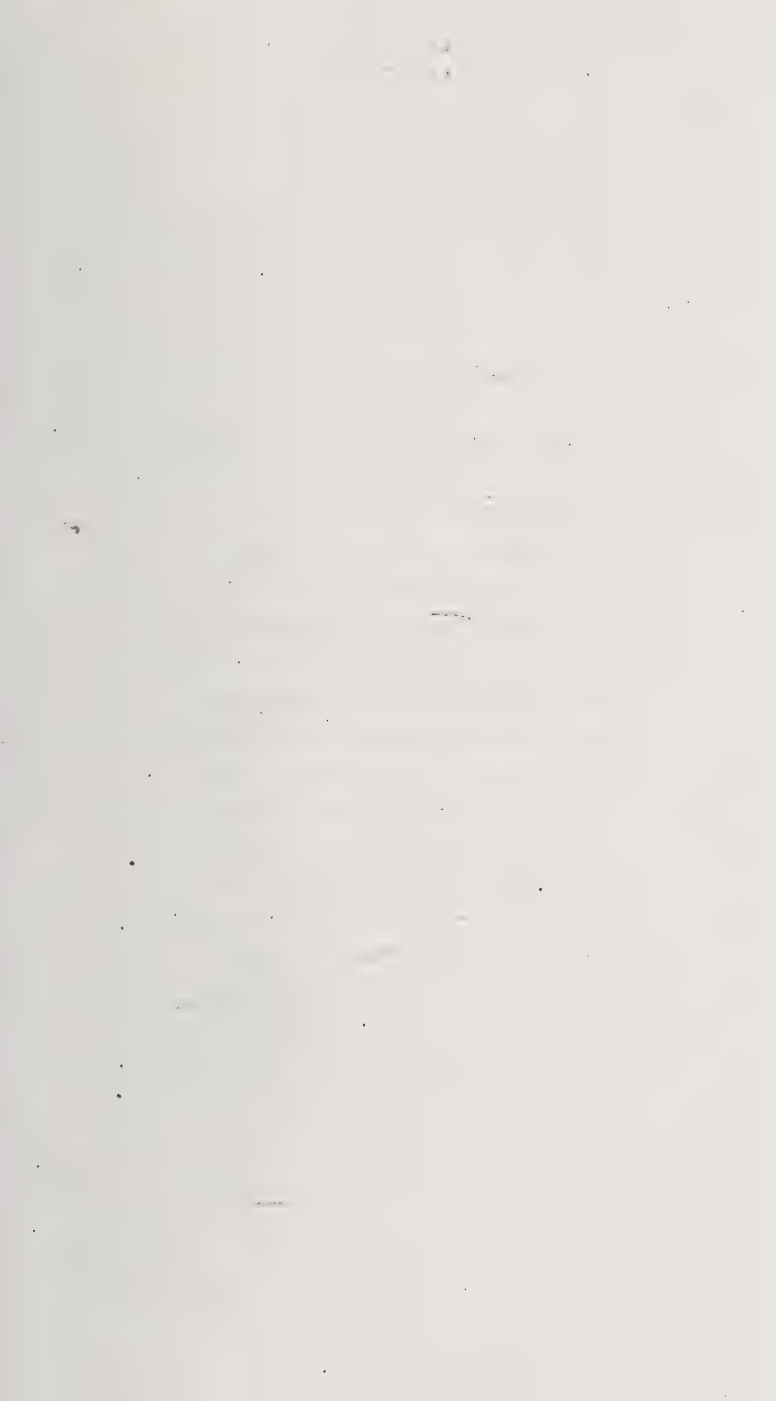
Но в легком беге повести моей
Нет стройности намека,
Над пропастью летит она вольней
Газели скока.

Слез не заметит на моем лице
Читатель плакса,
Судьбой не точка ставится в конце,
А только клякса.

1906—1907. Ноябрь—Январь

III

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

1

На берегу сидел слепой ребенок,
И моряки вокруг него толпились;
И улыбаясь он сказал: „Никто не знает,
Откуда я, куда иду и кто я
И смертный избежать меня не может,
Но и купить ничем меня нельзя.
Мне все равны: поэт, герой и нищий,
И сладость неизбежности неся,
Одним я горе, радость для других.
И юный назовет меня любовью,
Муж — жизнью, старец — смертью. Кто же я?“

1904

ЛЮБВИ УТЕХИ

К рассказу С. Ауслендера: „Вечер у г-на де-Севираж“

„Plaisir d'amour ne dure qu'un moment,
Chagrin d'amour dure toute la vie“

Любви утехы длятся миг единый,
Любви страданья длятся долгий век.
Как счастлив был я с милою Надиной
Как жадно пил я кубок томных нег!

Но ах! недолго той любви нежной
Мы собирали сладкие плоды:
Поток времен, насытый и мятежный,
Смыл на песке любимые следы.

На том лужке, где вместе мы развились,
Коса скосила мягкую траву;
Венки любви, увы! они развились,
Надины я не вижу наяву.

Но долго после в томном жаре нег
Других красавиц звал в бреду Надиной.
Любви страданья длятся долгий век,
Любви утехы длятся миг единый.

1906. Ноябрь

СЕРЕНАДА

К рассказу С. Ауслендера „Корабельщики“

Сердце женщины — как море,
Уж давно сказал поэт.
Море, воле лунной вторя,
То бежит к земле, то нет.

То послушно, то строптиво,
Море — горе, море — рай;
Иль дремлет на нем лениво,
Или снасти подбирай.

Кормщик опытный и смелый
Не боится тех причуд,
Держит руль рукой умелой
Там сегодня, завтра тут.

Что ему морей капризы, —
Ветер, буря, штиль и гладь?
Сердцем Биче, сердцем Лизы
Разве трудно управлять?

1907. Август

ФЛЕЙТА ВАФИЛЛА

К рассказу С. Ауслендера: „Флейта Вафилла“.

Флейта нежного Вафилла
Нас пленила, покорила,
Плен нам сладок, плен нам мил,
Но еще милей и слаще,
Если встречен в темной чаше
Сам пленительный Вафилл.

Кто ловчей в любовном лове:
Алость крови, тонкость брови?
Гроздя ль темные кудрей?
Жены, юноши и девы —
Все текут на те напевы.
Все к любви спешат скорей.

О, Вафилл, желает каждый
Хоть однажды страстной жажды
Сладко ярость утолить,
Хоть однажды, пламенея,
Позабыться, томно млея —
Рвися после жизни нить!

Но глаза Вафилла строги,
Без тревоги те дороги,
Где идет сама любовь.
Ты не хочешь, ты не знаешь,
Ты один в лесу блуждаешь,
Пусть других мятется кровь.

Ты идешь легко, спокоен.
Царь иль воин — кто достоин
Целовать твой алый рот?
Кто соперник, где предтечи,
Кто обнимет эти плечи,
Что лобзал один Эрот?

Сам в себе себя лобзая,
Прелесть Мая презирая,
Ты идешь и не глядишь.
Мнится: вот раскроешь крылья
И без страха, без усилья
В небо ясное взлетишь.

1907. Февраль

„Люблю“, сказал я не любя —
Вдруг прилетел Амур крылатый
И, руку взявши, как вожатый,
Меня повлек во след тебя.

С прозревших глаз сметая сон
Любви минувшей и забытой,
На светлый луг, росой омытый,
Меня нежданно вывел он.

Чудесен утренний обман:
Я вижу странно, прозревая,
Как алость нежно-заревая
Румянит смутно зыбкий стан;

Я вижу чуть открытый рот,
Я вижу краску щек стыдливых
И взгляд очей еще сонливых
И шеи тонкой поворот.

Ручей журчит мне новый сон,
Я жадно пью струи живые —
И снова я люблю впервые,
Навеки снова я влюблен!

1907. Апрель

О, быть покинутым — какое счастье!
Какой безмерный в прошлом виден свет —
Так после лета — зимнее ненастье:
Все помнишь солнце, хоть его уж нет.

Сухой цветок, любовных писем связка,
Улыбка глаз, счастливых встречи две, —
Пусть теперь в пути темно и вязко,
Но ты весной бродил по мураве.

Ах, есть другой урок для сладострастья,
Иной есть путь — пустынен и широк.
О, быть покинутым — такое счастье!
Быть нелюбимым — вот горчайший рок.

. 1907. Сентябрь

Мы проехали деревню, отвели нам отвода,
 В свежем вечере прохлада, не мешают овода,
 Под горой внизу, далеко, тихо пенится вода.

Серый мох, песок и камни, низкий, редкий,
мелкий лес
 Солнце тускло, сонно смотрит из-за розовых завес
 А меж туч яснее холод зеленеющих небес.

Ехать молча, сидя рядом, молча длинный, длин-
ный путь
 Заезжать в чужие избы выпить чай и отдохнуть
 В сердце темная тревога и тоски покорной муты

Так же бор чернел в долине, как мы ездили
в скиты
 То же чувство в сердце сиром полноты и пустоты
 Так же молча, так же рядом, но сидел со мною ты

И еще я вспоминаю мелкий лес, вершину гор,
В обе стороны широкий моря южного простор,
И каноника духовный, сладко-строгий разговор.

Так же сердце ныло тупо, отдаваясь и грустя,
Так же ласточки носились, землю крыльями чертя,
Так же воды были видны, в отдаленности блестя.

Память зорь в широком небе, память дальнего пути,
Память сердца, где смешались все дороги, все пути—
Отчего даже теперь я не могу от вас уйти?

1907. Июнь .

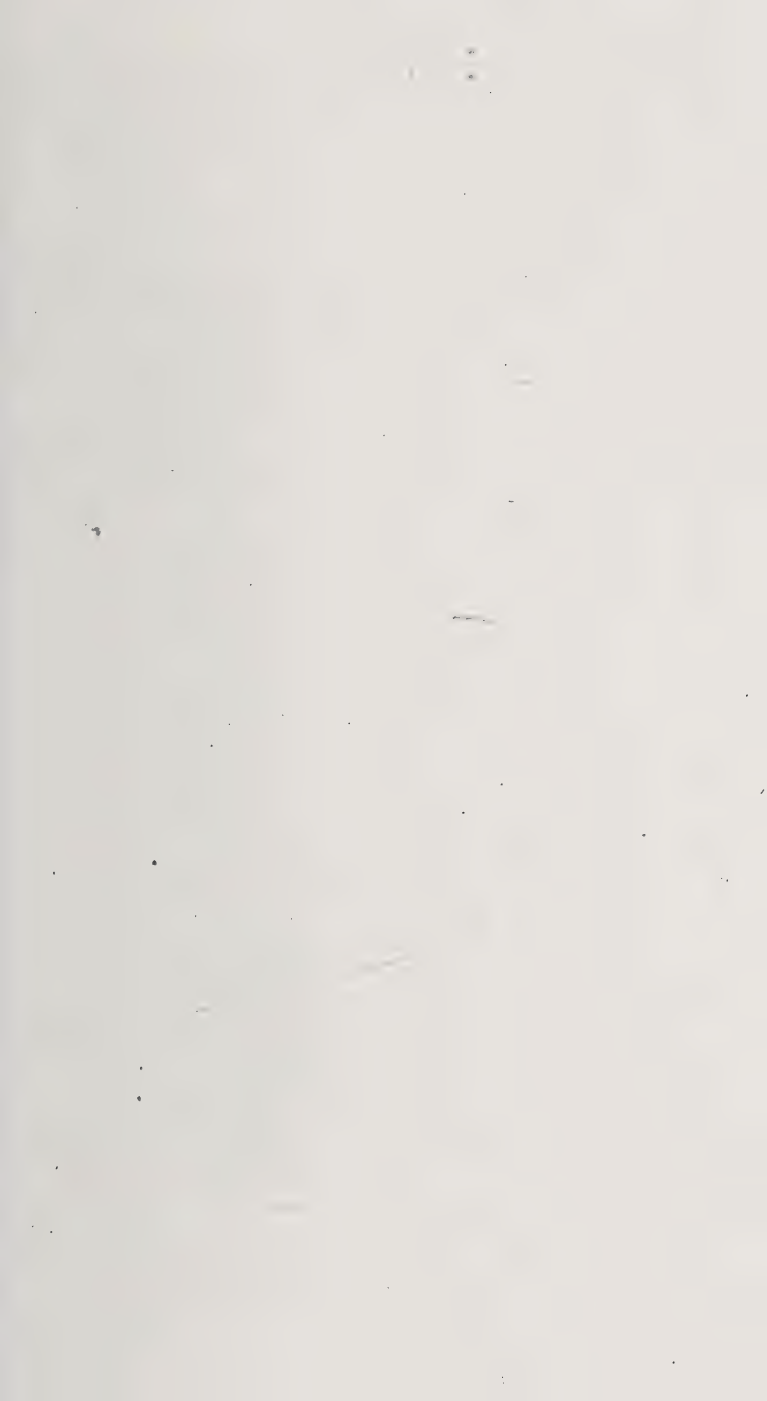
При взгляде на весенние цветы,
желтые и белые,
милые своею простотой,
я вспоминаю Ваши щеки,
горящие румянцем зари
смутной и страстно тревожащей.

Глядя на быстрые речки,
пенящиеся, бурливые,
уносящие бревна и ветки,
дробящие отраженную голубизну небес,
думаю я о карих,
стоячих,
волнующих своею неподвижностью
глазах.

И следя по вечернему небу
за медленным трепетом
знамен фабричного дыма,
я вижу Ваши волосы
не развевающиеся,
короткие,
и даже еще более короткие,
когда я видел Вас последний раз.

Целую ночь, целый день
я слышу шум машин,
как биенье неустанного сердца,
и все утра, все вечера
меня мучит мысль о Вашем сердце,
которое, увы! бьется не для меня,
не для меня!

1907. Май

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

В. А. НАУМОВУ

I

РАКЕТЫ

Две маленькие звездочки
— век суетных маркиз

Валерий Брюсов

МАСКАРАД

Кем воспета радость лета:
Роща, радуга, ракета,
На лужайке смех и крик?
В пестроте огней и света
Под мотивы менуэта
Стройный фавн главой поник.

Что белеет у фонтана
В серой нежности тумана?
Чей там шепот, чей там вздох?
Сердца раны лишь обманы,
Лишь на вечер те тюрбаны —
И искусствен в гроте мох.

Запах грядок прян и сладок,
Арлекин на ласки падок,
Коломбина не строга.
Пусть минутны краски радуг,
Милый, хрупкий мир загадок,
Мне горит твоя дуга!

ПРОГУЛКА НА ВОДЕ

Сквозь высокую осоку
 Серп серебряный блестит;
 Ветерок, летя с востоку,
 Вашей шалью шелестит.

Мадригалы Вам не лгали,
 Вечность клятвы не суля,
 И блаженно замирали
 На высоком нежном ла.

Из долины мандолины
 Чу! звенящая струна,
 Далеко из-за плотины
 Слышно ржанье табуна.

Вся надежда — край одежды
 Приподнимет ветерок,
 И склонив лукаво вежды,
 Вы покажете носок.

Где разгадка тайной складки
 На роброне на груди?
 На воде прогулки сладки —
 Что-то ждет нас впереди?

3

НАДПИСЬ К БЕСЕДКЕ

Здесь страстью сладкою волнуясь и горя,
Меня спросили Вы, люблю ли.
Здесь пристань, где любовь бросает якоря,
Здесь счастье знал я в ясном июле.

ВЕЧЕР

Жарко-желтой позолотой заката
Стекла окон горят у веранды,
„Как плечо твое нежно покато!“
Я вздыхал, ожидая Аманды.

Ах, заря тем алей и победней,
Чем склоняется ниже светило —
И мечты о улыбке последней
Мне милее всего, что было.

О, прощанье на лестнице темной,
Поцелуй у вышитых кресел,
О, Ваш взор, лукавый и томный,
Одинокие всплески весел!

Пальцы рук моих пахнут духами,
В сладкий плен заключая мне душу.
Губы жжет мне признание стихами,
Но секрета любви не нарушу.

Отплывать одиноко и сладко
Будет мне от пустынной веранды,
И в уме все милая складка
На роброне милой Аманды.

РАЗГОВОР

Маркиз гуляет с другом в цветнике
У каждого левкой в руке,
А в парнике
Сквозь стекла видны ананасы.

Ведут они интимный разговор,
С улыбкой взор встречает взор,
Цветной узор
Пестрит жилетов нежные атласы.

„Нам дал приют китайский павильон!“
В воспоминанья погружен,
Умолкнул он,
А тот левкой вдыхал с улыбкой тонкой.

— Любовью Вы, мой друг, ослеплены,
Но хрупки и минутны сны,
Как дни весны,
Как крылья бабочек с нарядной перепонкой.

Вернее дружбы связь, поверьте мне:
Она не держит в сладком сне,
Но на огне
Вас не томит желанием напрасным. —

„Я дружбы не забуду никогда —
Одна нас единит звезда;
Как и всегда
Я только с Вами вижу мир прекрасным!“

Слова пустые странно говорят,
Проходит тихо окон ряд,
А те горят,
И не видны за ними ананасы.

У каждого в руке левкоя цвет,
У каждого в глазах ответ,
Вечерний свет
Ласкает платья нежные атласы.

В САДУ

Их руки были приближены,
Деревья были подстрижены,
Бабочки сумеречные летали.

Слова все менее ясные,
Слова все более страстные
Губы запекшиеся шептали.

„Хотите знать Вы, люблю ли я,
Люблю ли, бесценная Юлия?
Сердцем давно Вы это узнали.“

— Цветок я видела палевый
У той, с кем все танцовали Вы,
Слепы к другим дамам в той же зале.

„Клянусь семейною древностью,
Что Вы обмануты ревностью —
Вас лишь люблю, забыв об Аманде!“

Легко сердце прелестницы,
Отлоги ступени лестницы —
К той же ведут они их веранде.

Но чьи там вздохи задушены?
Но кем их речи подслушаны?
Кто там выходит из-за боскета?

Муж Юлии то обманутый,
В жилет атласный затянутый —
Стекла блеснули его лорнета.

КАВАЛЕР

Кавалер по кабинету
Быстро ходит горд и зол,
Не напудрен, без жилету
И забыт цветной камзол.

„Вряд ли клятвы забывали
Так позорно, так шутя!
Так обмануто едва ли
Было глупое дитя.

Два удара сразу к ряду
Дам я, ревностью горя,
Эта шпага лучше яду,
Что дают аптекаря.

Время Вашей страсти ярость
Охладит, мой господин;
Пусть моя презренна старость,
Кавалер не Вы один.

Вызов, вызов, шпагу эту
Обнажаю против зол“.
Так ходил по кабинету
Не напудрен, горд и зол.

УТРО

Чуть утро настало, за мостом сошлись,
Чуть утро настало, стада еще не паслись.

Приехало две кареты — привезло четверых,
Уехало две кареты — троих увезло живых.

Лишь трое слыхало, как павший закричал,
Лишь трое видало, как кричавший упал.

А кто-то слышал, что он тихо шептал?
А кто-то видел в перстне опал?

Утром у моста коров пастухи пасли,
Утром у моста лужу крови нашли.

По траве росистой след от двух карет,
По траве росистой — кровавый след.

ЭПИТАФИЯ

Двадцатую весну, любя, он встретил,
В двадцатую весну ушел, любя.
Как мне молчать? как мне забыть тебя,
Кем только этот мир и был мне светел?

Какой Аттила, ах какой Аларих
Тебя пронзил, красою не пронзен?
Скажи, без трепета, как вынес он
Затменный взгляд очей прозрачно карих?

Уж не сказать умолкшими устами
Тех нежных слов, к которым я привык.
Исчез любви пленительный язык,
Погиб цветок, пленясь любви цветами.

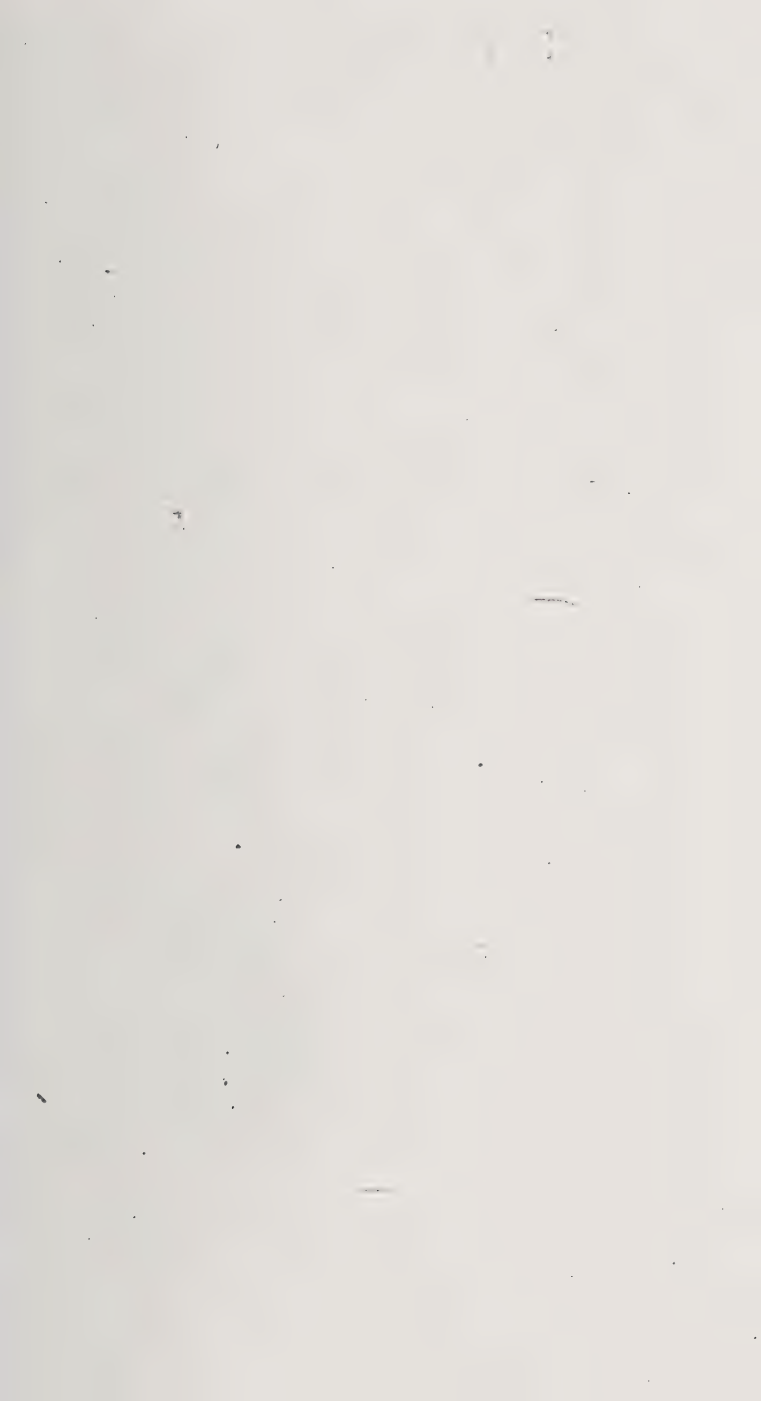
Кто был стройней в фигурах менуэта?
Кто лучше знал цветных шелков подбор?
Чей был безукоризненной пробор? —
Увы, навеки скрылося все это.

Что скрипка, где оборвалася квинта?
Что у бессонного больного сон?
Что жизнь тому, кто новый Аполлон,
Скорбит над гробом свежим Гиацинта?

1907. Июль

II

ОБМАНЩИК ОБМАНУВШИЙСЯ

Туманный день пройдет уныло
И ясный наступает вслед,
Пусть сердце ночью все изныло,
Сажуся я за туалет.

Я бледность щек удвою пудрой,
Я тень под глазом наведу,
Но выраженья воли мудрой
Для жалких писем я найду.

Не будет вздохов, восклицаний,
Не будет там „увы“ и „ах“ —
И мука долгих ожиданий
Не засквозит в сухих строках.

Но на прогулку не оденусь,
Нарочно сделав томный вид
И говоря: „куда я денусь,
Когда любовь меня томит?“

И скажут все: „он лицемерит,
То жесты позы, не любви;“
Лишь кто сумеет, тот измерит,
Как силен яд в моей крови.

Вновь я бессонные ночи узнал
Без сна до зари,
Опять шептал
Ласковый голос: „умри, умри.“

Кончивши книгу, берусь за другую,
Нагнать ли сон?
Томясь тоскую,
Чем-то в несносный плен заключен.

Сто раз известную „Мапон“ кончаю,
Но что со мной?
Конечно, от чаю
Это бессонница ночью злой...

Я не влюблен ведь, это верно,
Я — нездоров.
Вот тихо мерно
К ранней обедне дальний зов.

Вас я вижу, закрыв страницы,
Закрыв глаза;
Мои ресницы
Странная вдруг смочила слеза.

Я не люблю, я просто болен,
До самой зари
Лежу безволен,
И шепчет голос; „умри, умри!“

Строят дом перед окошком.
 Я прислушиваюсь к кошкам,
 Хоть не Март.
 Я слежу прилежным взором
 За изменчивым узором
 Вещих карт.

„Смерть, любовь, болезнь, дорога“ —
 Предсказаний слишком много:
 Где-то ложь.
 Кончат дом, стасую карты,
 Вновь придут Апрели, Марты —
 Ну и что ж?

У печали на причале
 Сердце скорби укачали
 Не на век.
 Будет дом весной готовым,
 Новый взор найду под кровом
 Тех же век.

Отрадно улетать в стремительном вагоне
 От северных безумств на родину Гольдони,
 И там на вольном лоне, в испытанном затоне,
 Вдыхая, отдыхать;

Отрадно провести весь день в прогулках пестрых,
 Отдаться в сети черт пленительных и острых,
 В плену часов живых о темных, тайных сестрах,
 Зевая, забывать;

В кругу друзей читать излюбленные книги,
 Выслушивать отчет запутанной интриги,
 Возможность, отложив условностей вериги,
 Прямой задать вопрос;

Отрадно, овладев влюбленности волнением,
 Спокойно с виду чай с инбирным пить вареньем
 И слезы сочетать с последним примиреньем
 В дыму от папирос;

Но мне милей всего ночь долгую томиться,
Когда известная известную страницу
Покроет, сон нейдет смежить мои ресницы
И глаз все видит Вас;

И память — верная служанка — шепчет внятно
Слова признания, где все теперь понятно,
И утром брошены сереющие пятна,
И дня уж близок час.

Где сомненья? где томленья?
День рожденья, обрученья
Час святой!
С новой силой жизни милой
Отдаюсь, неуголимый,
Всей душой.
Вот пороги той дороги,
Где не шли порока ноги,
Где — покой.

Обручались, причащались,
Поцелуем обменялись
У окна.
Нѣжно строги взоры Ваши,
Полны, полны наши чаши —
Пить до дна.
А в окошко не случайный
Тайны друг необычайной —
Ночь видна.

Чистотою страсть покрою,
Я готов теперь для боя —
Щит со мной.
О, далече — легкость встречи!
Я беру ярмо на плечи —
Груз двойной.
Тот же я, но нежным взором
Преграждает путь к позорам
Ангел мой.

1907. Октябрь

III

РАДОСТНЫЙ ПУТНИК

Светлая горница — моя пещера,
 Мысли — птицы ручные: журавли да аисты;
 Песни мои — веселые акафисты;
 Любовь — всегдашняя моя вера.

Приходите ко мне, кто смутен, кто весел,
 Кто обрел, кто потерял кольцо обручальное,
 Чтобы бремя ваше, светлое и печальное,
 Я как одежу на гвоздик повесил.

Над горем улыбнемся, над счастьем поплачем.
 Не трудно акафистов легких чтение.
 Само приходит отрадное излечение
 В комнате, озаренной солнцем не горячим.

Высоко окошко над любовью и тлением,
 Страсть и печаль, как воск от огня, смягчаются.
 Новые дороги, всегда весенние, чаются,
 Простясь с тяжелым, темным томлением.

Снова чист передо мною первый лист,
Снова солнца свет лучист и золотист;

Позабита мной прочтенная глава,
Неизвестная заманчиво — нова.

Кто собрался в путь, в гостиннице не будь!
Кто проснулся, тот забудь видений муть!

Высоко горит рассветная звезда,
Что прошло, то не вернется никогда.

Веселей гляди, напрасных слез не лей,
Средь полей, между высоких тополей

Нам дорога наша видится ясна:
> После ночи утро, после зим — весна.

А устав, среди зеленых сядем трав,
В книге старой прочитав остаток глав:

Ты — читатель своей жизни, не писец,
Неизвестен тебе повести конец.

Горит высоко звезда рассветная +
Как око ясного востока,
И одинокая поет далеко
Свирель приветная.

Заря алеет в прохладной ясности, +
Нежнее вдоха воздух веет,
Не млеет роща, даль светлеет
В святой прозрачности.

В груди нет жала и нету жалобы, +
Уж спало скорби покрывало.
И где причало, от начала
Что удержало бы?

Вновь вереница взоров радостных
И птица райская мне снится.
Открыться пробил час странице
Лобзаний сладостных!

В проходной сидеть на диване,
Близко, рядом, плечо с плечом,
Не думая об обмане,
Не жалея ни о чем.

Говорить Вам пустые речи,
Слушать веселые слова,
Условиться о новой встрече
(Каждая встреча всегда нова!)

О чем-то молчим мы и что-то знаем,
Мы собираемся в странный путь.
Не печально, не весело, не гадаем —
Покуда здесь ты, со мной побудь.

Что приходит, то проходит,
 Что проходит, не придет.
 Чья рука нас верно водит,
 Заплетая в хоровод?

Мы в плену ли потонули?
 Иду ли, плачу ли, пою ли —
 Счастлив я своей тюрьмой.
 Милый пленный, страж смиренный,
 Неизменный, иль изменный,
 Я сегодня—твой, ты—мой.

Мы идем одной дорогой,
 Мы полны одной тревогой.
 Кто преступник? кто конвой?
 А любовь, смеясь над нами,
 Шьет нам пестрыми шелками,
 Наклоняясь над канвой.

Вышивает и не знает,
 Что-то выйдет из шитья.
 „Как смешен, кто не гадает,
 Что могу утешить я!“

Уж не слышен конский топот,
Мы одни идем в пути.
Что нам значит скучный опыт?
Все вперед, вперед идти.

Неизвестен путь далекий:
Приведет, иль заведет,
Но со мной не одинокий
Милый спутник путь пройдет.

Утро ясно и прохладно,
Путь — открыт, звезда горит,
Так любовно, так отрадно
Спутник милый говорит:

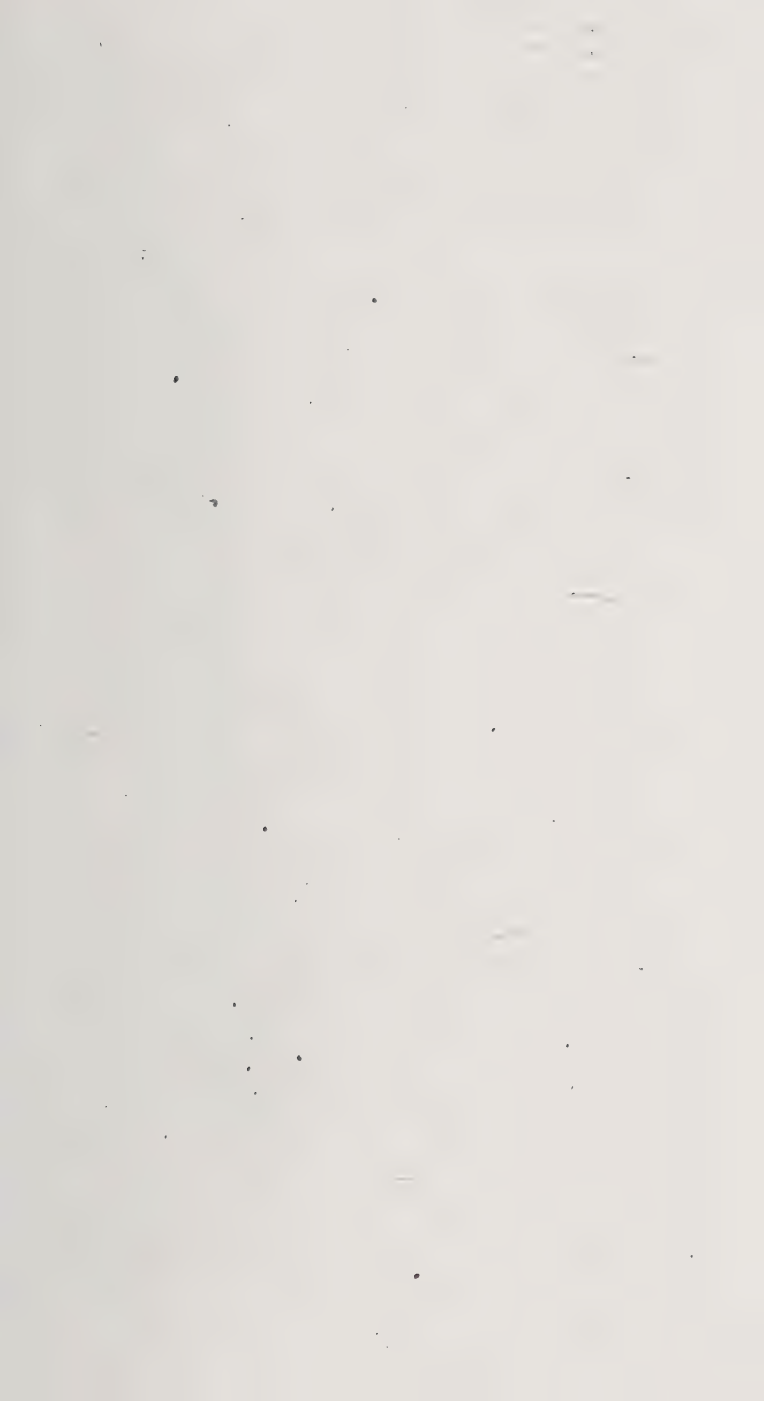
„Друг, ты знаешь ли дорогу?
Не боишься ль гор и вод?“
— Успокой, мой друг, тревогу:
Прямо нас звезда ведет.

Наши песни — не унылы:
Что нам знать? чего нам ждать?
Пусть могилы нам и милы,
Путь должны мы продолжать.

Мудро нас ведет рукою
Кто послал на этот путь.
Что я скрою? что открою?
О вчерашнем дне забудь.

Будет завтра, есть сегодня,
Будет лето, есть весна.
С корабля опустят сходни
И сойдет Любовь ясна.

1907. Ноябрь

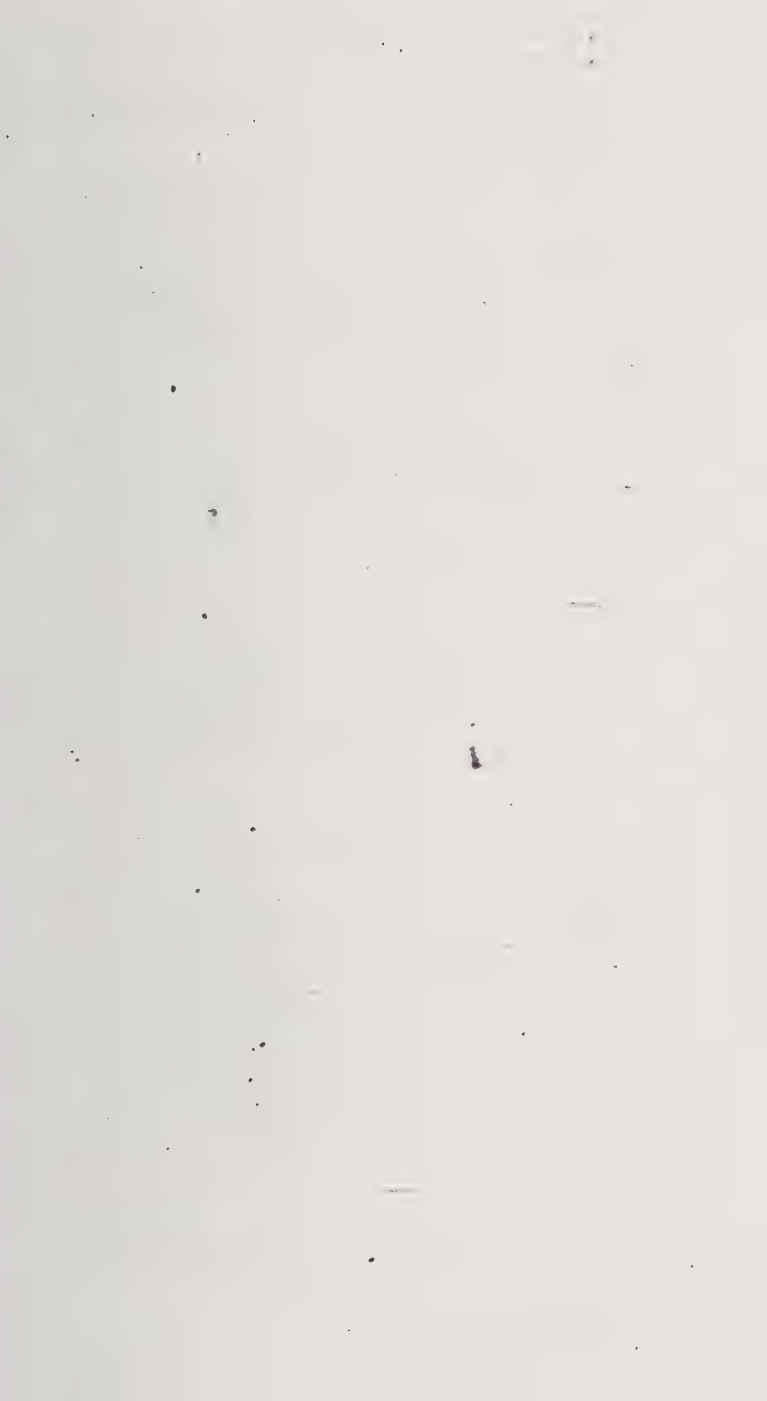
ЧАСТЬ ТРЕТья

ВЯЧ. И. ИВАНОВУ

I

МУДРАЯ ВСТРЕЧА

Стекла стынут от холода,
Но сердце знает,
Что лед растает —
Весенне будет и молодо.

Въ комнатах пахнет ладаном,
Тоска истает,
Когда узнает,
Как скоро дастся отрада нам.

Вспыхнет на ризах золото,
Зажгутся свечи
Желанной встречи —
Вновь цело то, что расколото.

Снегом блистают здания.
Провидя встречи,
Я теплю свечи —
Мудрого жду свидания.

О, плакальщики дней минувших,
Пытатели немой судьбы,
Искатели сокровищ потонувших, —
Вы ждете трепетно трубы?

В свой срок, бесстрастно неизменный,
Пробудит дали тот сигнал,
Никто бунтующий и мирный пленный
Своей судьбы не отогнал.

Река все та ж, но капли разны,
Безмолвны дали, ясен день,
Цвета цветов всегда разнообразны
И солнца свет сменяет тень.

Наш взор не слеп, не глухо ухо,
Мы внемлем пенью вешних птиц.
В лугах — тепло, предпразднично и сухо —
Не торопи своих страниц.

Готовься быть к трубе готовым,
Не сожелей и не гадай,
Будь мудро прост к теперешним оковам,
Не закрывая глаз на Май.

Окна плотно занавешены,
Келья тесная мила,
На весах высоких взвешены
Наши мысли и дела.

Дверь закрыта, печи топятся,
И горит, горит свеча.
Тайный друг ко мне торопится,
Не свища и не крича.

Стукнул в дверь, отверз объятия;
Поцелуй, и вновь, и вновь, —
Посмотрите, сестры, братия,
Как светла наша любовь!

Моя душа в любви не кается —
Она светла и весела.
Какой покой ко мне спускается!
Зажглися звезды без числа.

И я стою перед лампадами,
Смотря на близкий милый лик.
Не властен лед над водопадами,
Любовных вод родник велик.

Ах, нужен лик молебный грешнику
Как посох странничий в пути.
К кому, как не к тебе, поспешнику
Любовь и скорбь свою нести?

Но знаю вес и знаю меру я,
Я вижу близкие глаза,
И ясно знаю, сладко веруя:
„Тебе нужна моя слеза.“

Я вспомню нежные песни
И запою,
Когда ты скажешь: „воскресни“.

Я сброшу грешное бремя
И скорбь свою,
Когда ты скажешь: „вот время“.

Я подвиг великой веры
Свершить готов,
Когда позовешь в пещеры;

Но рад я остаться в мире
Среди оков,
Чтоб крылья раскрылись шире.

Незримое видит око
Мою любовь —
И страх от меня далеко.

Я верно хожу к вечерне
Опять и вновь,
Чтоб быть недоступней скверне.

О, милые други, дорогие костыли,
К какому раю хромца вы привели!

Стою, не смею ступить через порог —
Так сладкий облак глаза мне заволок.

Ах, я ли, темный, войду в тот светлый сад?
Ах, я ли, слабый, избегнул всех засад?

Один не в силах пройти свой узкий путь,
К кому в томленьи мне руки протянуть?

Рукою крепкой любовь меня взяла
И в сад пресветлый без страха провела.

Как отрадно, сбросив трепет,
Чуя встречи, свечи жечь,
Сквозь невнятный нежный лепет
Слышать ангельскую речь.

Без загадок разгадали,
Без возврата встречен брат;
Засияли нежно дали
Чрез порог небесных врат.

Темным я смущен нарядом,
Сердце билось, вился путь,
Но теперь стоим мы рядом,
Чтобы в свете потонуть.

Легче весеннего дуновения
Прикосновение
Пальцев тонких.
Громче и слаще мне уст молчание,
Чем величание
Хоров звонких.

Падаю, падаю, весь в горении,
Люто борение,
Крылья низки.
Пусть разделенные—вместе связаны,
Клятвы уж сказаны—
Вечно близки.

Где разделение? время? тление?
Наше хотение
Выше праха.
Встретим бестрепетно свет грядущего
Мимойдущего
Чужды, страха.

Двойная тень дней прошлых и грядущих
Легла на беглый и не ждущий день —
Такой узор бросает полднем сень
Двух сосен на верху холма растущих.

Одна и та она всегда не будет:
Убудет день и двинется черта,
И утро уж другой ее пробудит
И к вечеру она уже не та.

Но будет час, который непреложен,
Положен в мой венец он, как алмаз,
И блеск его не призрачен, не ложен —
Я правлю на него свой зоркий глаз.

То не обман, я верно, твердо знаю:
Он к раю приведет из темных стран.
Я видел свет, его я вспоминаю —
И все редет утренний туман.

1907. Декабрь

VICTORI DUCI

II

ВОЖАТЫЙ

Я цветы собираю пестрые
И плету, плету венок,
Опустились копья острые
У твоих победных ног.

Сестры вертят веретенами
И прядут, прядут кудель.
Над упавшими знаменами
Разостлался дикий хмель.

Пронеслась, исчезла конница,
Прогремел, умолкнул гром.
Пала, пала беззаконница —
Тишина и свет кругом.

Я стою средь поля сжатого.
Рядом ты в блистаньи лат.
Я обрел себе Вожатого —
Он прекрасен и крылат.

Ты пойдешь стопою смелою,
Поведешь на новый бой.
Что захочешь — то и сделаю:
Неразлучен я с тобой.

„Лето Господнее — благоприятно.“
Всходит гость на высокое крыльцо.
Все откроется, что было непонятно.
Видишь в чертах его знакомое лицо?

Нам этот год пусть будет высокосным,
Белым камнем отмечен этот день.
Все пройдет, что окажется наносным.
Сядет путник под сладостную сень.

Сердце вешнее мудро веселится:
Знает, о знает, что близится пора.
Гость надолго в доме поселится,
Свет горит до позднего утра.

Сладко вести полночные беседы
Слышит любовь небесные слова.
Утром вместе пойдем мы на победы —
Меч будет остр, надежна тетива.

Пришел издалека жених и друг.

Целую ноги твои!

Он очертил вокруг меня свой круг.

Целую руки твои!

Как светом отделен весь внешний мир.

Целую латы твои!

И не влечет меня земной кумир.

Целую крылья твои!

Легко и сладостно любви ярмо.

Целую плечи твои!

На сердце выжжено твое клеймо.

Целую губы твои!

Взойдя на ближнюю ступень,
Мне зеркало вручил Вожатый;
Там отражался он как тень,
И ясно золотели латы;
А из стекла того струился день.

Я дар его держал в руке,
Идя по темным корридорам.
К широкой выведен реке,
Пытливым вопрошал я взором,
В каком нам переехать челноке.

Сжав крепко руку мне, повел
Потоком быстрым и бурливым
Далеко от шумящих сел
К холмам спокойным и счастливым,
Где куст блаженных роз, алея, цвел.

Но ярости пугаясь вод,
Я не дерзал смотреть обратно;
Казалось, смерть в пучине ждет,
Казалось гибель — неотвратна.
А все темнел вечерний небосвод.

Вожатый мне: „о друг, смотри —
Мы обрели страну другую.
Возврата нет. Я до зари
С тобою здесь переночую“.
(О сердце мудрое, гори, гори!)

„Стекло хранит мои черты;
Оно не бьется, не тускнеет.
В него смотря, обрящешь ты
То, что спасти тебя сумеет
От диких волн и мертвой темноты“.

И пред сиянием лица
Я пал, как набожный скиталец.
Минуты длились без конца.
С тех пор я перстень взял на палец,
А у него не видел я кольца.

Пусть сотней грех вонзался жал,
Пусть—недостоин,
Но светлый воин меня лобзал —
И я спокоен.

Напрасно бес твердит: „приди:
Ведь риза—драча!“
Но как охрана горит в груди
Блаженства рана.

Лобзаний тех ничем не смыть,
Навеки в жилах;
Уж я не в силах как мертвый быть
В пустых могилах.

Воскресший дух неумертым,
Соблазн напрасен.
Мой вождь прекрасен, как серафим,
И путь мой—ясен.

Одна нога — на облаке, другая на другом
И радуга очерчена пылающим мечем.

Лицо его как молния, из уст его — огонь.
Внизу, к копыту привязанный, храпит и бьется конь.

Одной волной взметнулась морская глубина,
Все небо загорелось, как Божья купина.

„Но кто ты, воин яростный? тебя ли вижу я?
Где взор твой, кроткий сладостный, как тихая струя?

Смотри, ты дал мне зеркало, тебе я обручен,
Теперь же морем огненным с тобою разлучен.“

Так я к нему, а он ко мне: „смотри, смотри в стекло.
В один сосуд грядущее и прошлое стекло.“

А в зеркале попрежнему знакомое лицо.
И с пальца не скатилось обетное кольцо.

И поднял я бестрепетно на небо ясный взор —
Не страшен, не слепителен был пламенный простор.

И лик уж не пугающий мне виделся в огне,
И клятвам верность прежняя вернулась ко мне.

С тех пор всегда я не один,
Мои шаги всегда двойные,
И знаки милости простые
Дает мне Вождь и Господин.
С тех пор всегда я не один.

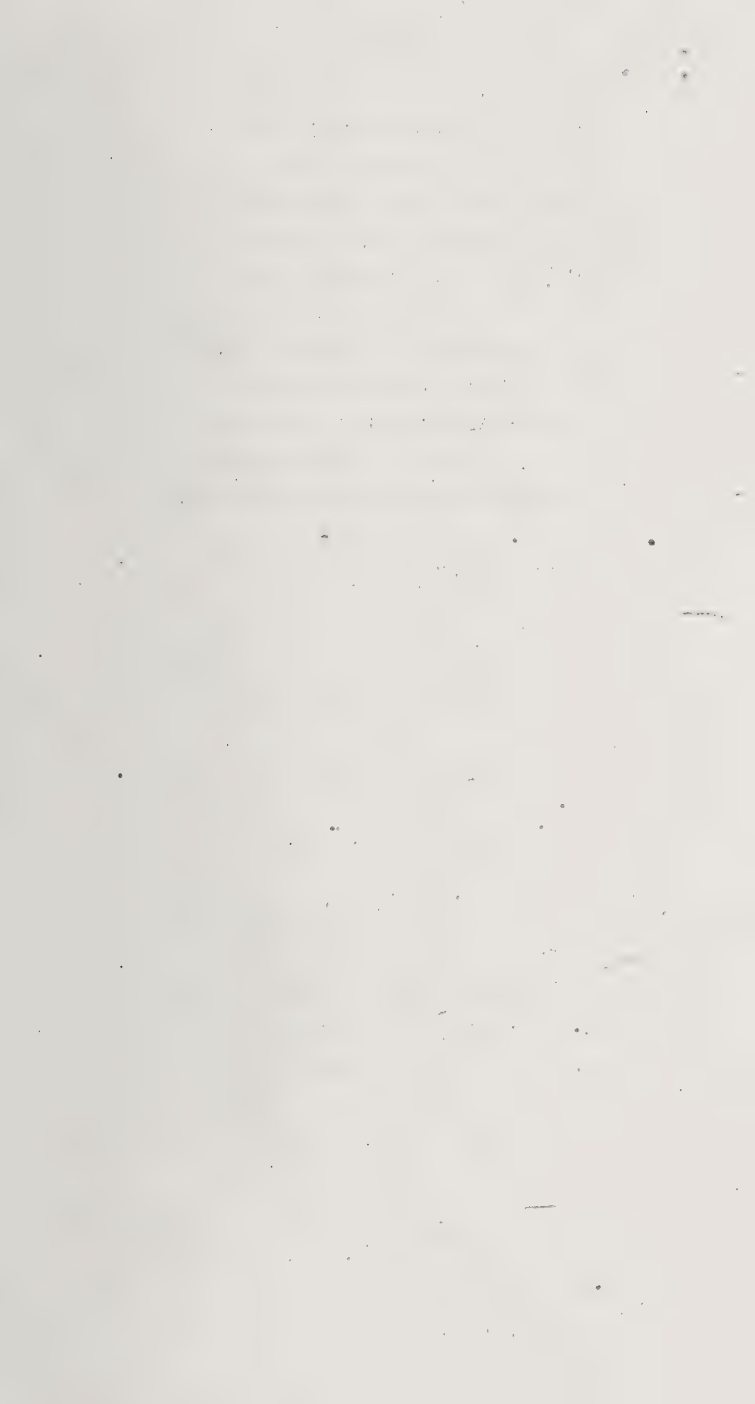
Пускай не вижу блеска лат,
Всегда твой образ зреть не смею—
Я в зеркале его имею,
Он так же светел и крылат.
Пускай не вижу блеска лат.

Ты сам вручил мне этот дар,
И твой двойник не самозванен,
И жребий наш для нас не странен—
О ту броню скользнет удар.
Ты сам вручил мне этот дар.

Когда иду по строкам книг,
Когда тебе слагаю пенье,
Я знаю ясно, вне сомненья,
Что за спиною ты приник,
Когда иду по строкам книг.

На всякий день, на всякий час—
Тебя и дар твой сохраняю,
Двойной любовью я сгораю,
Но свет один из ваших глаз
На всякий день, на всякий час.

1908. Январь

III

СТРУИ

Сердце, как чаша наполненная, точит кровь;
Алой струею неиссякающая течет любовь;
Прежде исполненное приходит вновь.

Розы любви расцветающие видит глаз.
Пламень сомнения губительного исчез, погас,
Сердца вызывающего горит алмаз.

Звуки призыва томительного ловит слух.
Время свиданья назначенного пропел петух.
Лёта стремительного исполнен дух.

Слабостью бледной охваченного подниму.
Светом любви враждующую развею тьму.
Силы утраченные верну ему.

Истекай, о сердце, истекай!
Расцветай, о роза, расцветай!
Сердце, розой пьяное, трепещет.

От любви сгораю, от любви;
Не зови, о милый, не зови:
Из-за розы меч грозящий блещет.

Огради, о сердце, огради.
Не вреди, меч острый, не вреди:
Опустишь на голубую влагу.

Я беду любовью отведу,
Я приду, о милый, я приду
И под меч с тобою вместе лягу.

На твоей планете всходит солнце,
И с моей земли уходит ночь.
Между нами узкое оконце,
Но мы время можем превозмочь.

Нас связали крепкими цепями,
Через реку переброшен мост.
Пусть идем мы разными путями —
Непреложен наш конец и прост.

Но смотри, я — цел и не расколот,
И бесслезен стал мой зрящий глаз.
И тебя пусть не коснется молот,
И в тебе пусть вырастет алмаз.

Мы пройдем чрез мир как Александры,
То, что было, повторится вновь,
Лишь в огне летают саламандры,
Не сгорает в пламени любовь.

Я вижу — ты лежишь под лампадой;
Ты видишь — я стою и молюсь.
Окружил я тебя оградой
И теперь не боюсь.

Я слышу — ты зовешь и вздыхаешь,
Ты слышишь мой голос: „иду“.
Ограды моей ты не знаешь
И думаешь, вот приду.

Ты слышишь звуки сонаты
И видишь свет свечей,
А мне мерещатся латы
И блеск похожих очей.

Ты знал, зачем протрубили трубы,
Ты знал, о чем гудят колокола, —
Зачем же сомкнулись вещие губы
И тень на чело легла?

Ты помнишь, как солнце было красно
И грудь вздымал небывалый восторг, —
Откуда ж спустившись, сумрак неясный
Из сердца радость исторг?

Зачем все реже и осторожней
Глядишь, опустивши очи вниз?
Зачем все чаще плащ дорожный
Кроет сиянье риз?

Ты хочешь сказать, что я покинут?
Что все собрались в чуждый путь?
Но сердце шепчет: „разлуки минут:
Светел и верен будь“.

Как меч мне сердце прободал,
Не плакал, умирая.
С весельем нежным сладко ждал
Обещанного рая.

Палящий пламень грудь мне жег,
И кровь, вся голубая.
Вблизи дорожный пел рожок,
„Вперед, вперед“ взывая.

Я говорил: „бери, бери!
Иду! Лечу! с тобою!“
И от зари и до зари
Стекала кровь струею.

Но к алой ране я привык.
Как прежде истекаю,
Но нем влюбленный мой язык.
Горю, но не сгораю.

Ладана тебе не надо:
Дым и так идет из кадила.
Не даром к тебе приходила
Долгих молитв отрада.

Якоря тебе не надо:
Ты и так спокоен и верен.
Не нами наш путь измерен
До небесного града.

Слов моих тебе не надо:
Ты и так все видишь и знаешь,
А меч мой в пути испытаешь,
Лишь встанет преграда.

Ты как воск, окрашенный пурпуром, таеть,
Изранено стрелами нежное тело.
Как роза сгораешь, сгорая не знаешь,
Какое сиянье тебя одело.

Моя кровь пусть станет прохладной водою,
Дыханье пусть станет воздухом свежим!
Дорогой одною идем с тобою,
Никак мы цепи своей не разрежем.

Вырываю сердце, паду бездушен! —
Угасни, утихни, пожар напрасный!
Пусть воздух душен, запрет нарушен:
Мы выйдем целы на берег ясный.

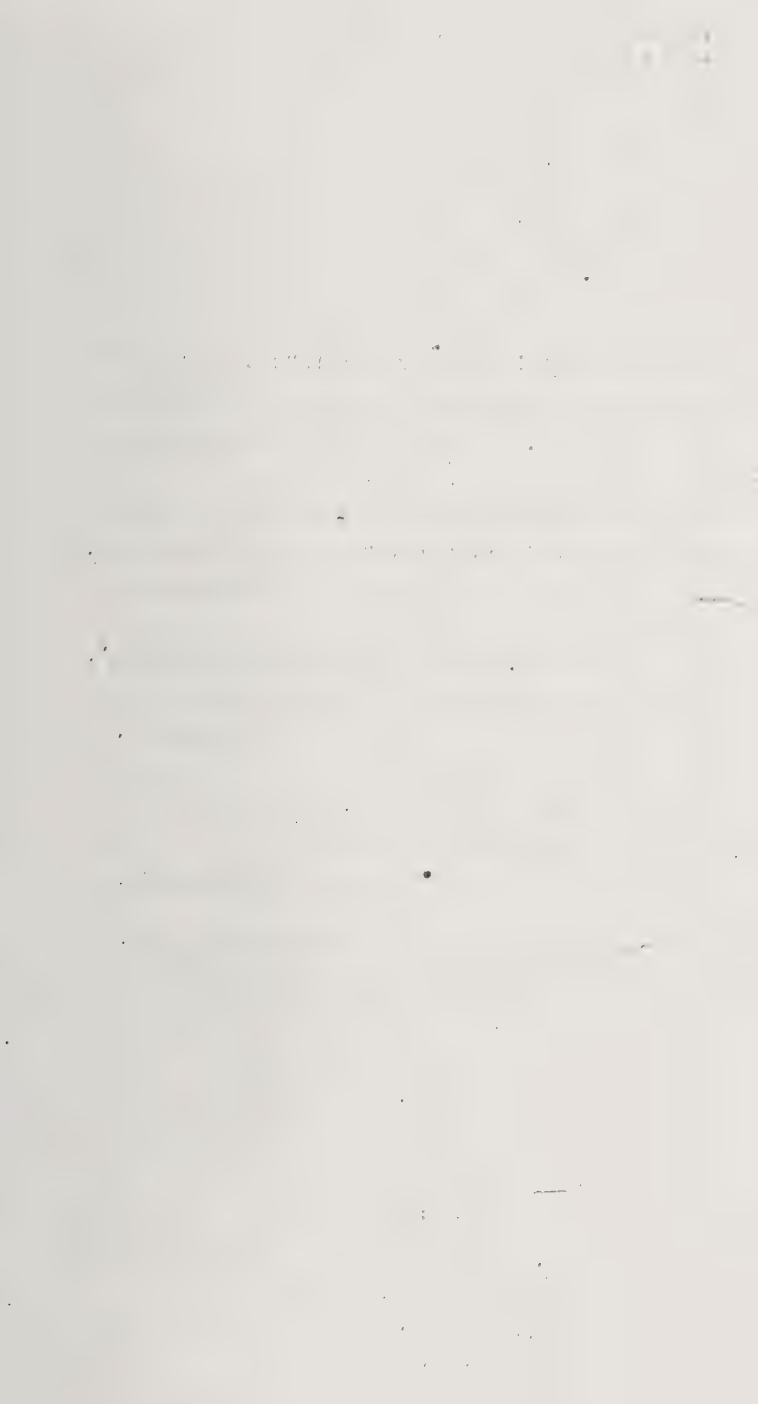
Если мне скажут: „ты должен итти на мученье“, —
 С радостным пеньем взойду на последний костер, —
 Послушный.

Если б пришлось навсегда отказаться от пенья,
 Молча под нож свой язык я и руки б протер, —
 Послушный.

Если б сказали: „лишен ты навеки свиданья“, —
 Вынес бы эту разлуку, любовь укрепив, —
 Послушный.

Если б мне дали последней измены страданья,
 Принял бы в плаваньи долгом и этот пролив, —
 Послушный.

Если ж любви между нами поставят запрет,
 Я не поверю запрету и вымолвлю: „нет“.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

1. The first part of the paper is devoted to the study of the properties of the function $f(x)$ defined by the equation

$$f(x) = \int_0^x f(t) dt$$

and to the study of the function $F(x)$ defined by the equation

$$F(x) = \int_0^x F(t) dt$$

and to the study of the function $G(x)$ defined by the equation

$$G(x) = \int_0^x G(t) dt$$

and to the study of the function $H(x)$ defined by the equation

$$H(x) = \int_0^x H(t) dt$$

and to the study of the function $I(x)$ defined by the equation

$$I(x) = \int_0^x I(t) dt$$

Н. П. ФЕОФИЛАКТОВУ

АЛЕКСАНДРИЙСКИЕ ПЕСНИ

I

ВСТУПЛЕНИЕ

Как песня матери
над колыбелью ребенка,
как горное эхо,
утром на пастуший рожок отозвавшееся,
как далекий прибой
родного, давно не виденного моря
звучит мне имя твое
трижды блаженное:
Александрия!

Как прерывистый шепот
любовных под дубами признаний,
как таинственный шум
тенистых рощ священных,
как тамбурин Кибелы великой,
подобный дальнему грому и голубей воркованью,
звучит мне имя твое
трижды мудрое:
Александрия!

Как звук трубы перед боем,
клекот орлов над бездной,
шум крыльев летящей Ники
звучит мне имя твое
трижды великое:
Александрия!

Когда мне говорят: „Александрия“,
я вижу белые стены дома,
небольшой сад с грядкой левкоев,
бледное солнце осеннего вечера
и слышу звуки далеких флейт.

Когда мне говорят: Александрия“,
я вижу звезды над стихающим городом,
пьяных матросов в темных кварталах,
танцовщицу, пляшущую „осу“,
и слышу звук тамбурина и крики ссоры.

Когда мне говорят: „Александрия“,
я вижу бледно-багровый закат над зеленым морем,
мохнатые мигающие звезды
и светлые серые глаза под густыми бровями,
которые я вижу и тогда,
когда не говорят мне: Александрия!“

Вечерний сумрак над теплым морем,
огни маяков на потемневшем небе,
запах вербены при конце пира,
свежее утро после долгих бдений,
прогулка в аллеях весеннего сада,
крики и смех купающихся женщин,
священные павлины у храма Юноны,
продавцы фиалок, гранат и лимонов,
воркуют голуби, светит солнце,
когда увижу тебя, родимый город!

II

ЛЮБОВЬ

Когда я тебя в первый раз встретил,
не помнит бедная память:

утром ли то было, днем ли,
вечером, или позднею ночью.

Только помню бледноватые щеки,
серые глаза под темными бровями
и синий ворот у смуглой шеи,
и кажется мне, что я видел это в раннем детстве,
хотя и старше тебя я многим.

Ты — как у гадателя отрок:
все в моем сердце читаешь,
все мои отгадываешь мысли,
все мои думы знаешь,
но знание твое тут не велико
и не много слов тут и нужно,
тут не надо ни зеркала ни жаровни:
в моем сердце, мыслях и думах
все одно звучит разными голосами:
„люблю тебя, люблю тебя на веки!“

Наверно в полдень я был зачат,
наверно родился в полдень,
и солнца люблю я с ранних лет
лучистое сиянье.

С тех пор, как увидел я глаза твои,
я стал равнодушен к солнцу:
зачем любить мне его одного,
когда в твоих глазах их двое?

Люди видят сады с домами
и море багровое от заката,
люди видят чаек над морем
и женщин на плоских крышах,
люди видят воинов в латах
и на площади продавцов с пирожками,
люди видят солнце и звезды,
ручьи и светлые речки,
а я везде только и вижу
бледноватые смуглые щеки,
серые глаза под темными бровями
и несравнимую стройность стана, —
так глаза любящих видят
то, что видеть велит им мудрое сердце.

Когда утром выхожу из дома,
я думаю, глядя на солнце:
„как оно на тебя похоже,
когда ты купаешься в речке,
или смотришь на дальние огороды!“
И когда смотрю я в полдень жаркий
на то же жгучее солнце,
я думаю про тебя, моя радость:
„как оно на тебя похоже,
когда ты едешь по улице людной!“
И при взгляде на нежные закаты
ты же мне на память приходишь,
когда, побледнев от ласк, ты засыпаешь
и закрываешь потемневшие веки.

Не напрасно мы читали богословов
и у риториков учились не даром,
мы знаем значение каждого слова
и все можем толковать седмиобразно.
Могу найти четыре добродетели в твоём теле
и семь грехов, конечно;
и охотно возьму себе блаженства;
но из всех слов одно неизменно:
когда смотрю в твои серые очи
и говорю: „люблю“ — всякий ритор
поймет только „люблю“ — и ничего больше.

Если б я был древним полководцем,
 покори́л бы я Ефиопию и Персов,
 свергну́л бы я фараона,
 построил бы себе пирамиду
 выше Хеопса,
 и стал бы
 славнее всех живущих в Египте!

Если б я был ловким вором,
 обокрал бы я гробницу Менкаура,
 продал бы камни александрийским евреям,
 накопил бы земель и мельниц,
 и стал бы
 богаче всех живущих в Египте.

Если б я был вторым Антиноем,
 утопившимся в священном Ниле —
 я бы всех сводил с ума красотой,
 при жизни мне были б воздвигнуты храмы,
 и стал бы
 сильнее всех живущих в Египте.

Если б я был мудрецом великим,
прожил бы я все свои деньги,
отказался бы от мест и занятий,
сторожил бы чужие огороды —
и стал бы
свободней всех живущих в Египте.

Если б я был твоим рабом последним,
сидел бы я в подземельи
и видел бы раз в год или два года
золотой узор твоих сандалий,
когда ты случайно мимо темниц проходишь,
и стал бы
счастливей всех живущих в Египте.

III

OHA

Нас было четыре сестры, четыре сестры нас было,
все мы четыре любили, но все имели разные „по-
тому что:“

одна любила, потому что так отец с матерью ей
велели,

другая любила, потому что богат был ее любовник,
третья любила, потому что он был знаменитый
художник,

а я любила, потому что полюбила.

Нас было четыре сестры, четыре сестры нас было,
все мы четыре желали, но у всех были разные
желанья:

одна желала воспитывать детей и варить кашу,
другая желала надевать каждый день новые платья,
третья желала, чтоб все о ней говорили,
а я желала любить и быть любимой.

Нас было четыре сестры, четыре сестры нас было,
все мы четыре разлюбили, но все имели разные
причины:

одна разлюбила, потому что муж ее умер,
другая разлюбила, потому что друг ее раззорился,
третья разлюбила, потому что художник ее бросил,
а я разлюбила, потому что разлюбила.

Нас было четыре сестры, четыре сестры нас было,
а, может быть, нас было не четыре, а пять?

Весною листья меняет тополь,
весной возвращается Адонис
из царства мертвых...
ты же весной куда уезжаешь, моя радость?

Весною все поедут кататься
по морю иль по садам в предместьях
на быстрых конях...
А мне с кем кататься в легкой лодке?

Весной все наденут нарядные платья
пойдут попарно в луга с цветами
сбирать фиалки...
а мне что ж дома сидеть прикажешь?

Сегодня праздник:
все кусты в цвету,
поспела смородина
и лотос плавает в пруду как улей!
Хочешь,
побежим в перегонку,
по дорожке обсаженной желтыми розами
к озеру, где плавают золотые рыбки?
Хочешь,
пойдем в беседку,
нам дадут сладких напитков,
пирожков и орехов,
мальчик будет махать опахалом,
а мы будем смотреть
на далекие огороды с кукурузой?
Хочешь,
я спою греческую песню под арфу,
только уговор:
„не засыпать
и по окончании похвалить певца и музыканта?“

Хочешь,
я станцую „осу“
одна на зеленой лужайке
для тебя одного?
Хочешь,
я угощу тебя смородиной, не беря руками,
а ты возьмешь губами из губ
красные ягоды
и вместе
поцелуи?
Хочешь, хочешь,
будем считать звезды
и кто спутается будет наказан?
Сегодня праздник,
весь сад в цвету,
приди, мой ненаглядный,
и праздник сделай праздником и для меня!

Разве неправда,
 что жемчужина в уксусе тает,
 что вербена освежает воздух,
 что нежно голубей воркованье?

Разве неправда.
 что я — первая в Александрии
 по роскоши дорогих уборов,
 по ценности белых коней и серебряной сбруи,
 по длине черных кос хитросплетенных?
 что никто не умеет
 подвести глаза меня искусней
 и каждый палец напитать
 отдельным ароматом?

Разве неправда,
 что с тех пор как я тебя увидала,
 ничего я больше не вижу,
 ничего я больше не слышу,
 ничего я больше не желаю,
 как видеть твои глаза,

серые под густыми бровями
и слышать твой голос?

Разве неправда,
что я сама дала тебе айву откусивши,
посылала опытных наперсниц,
платила твои долги до того,
что продала именье,
и все уборы
отдала за любовные напитки?
и разве неправда,
что все это было напрасно?

Но пусть правда,
что жемчужина в уксусе тает,
что вербена освежает воздух,
что нежно голубей воркованье —
будет правдой,
будет правдой
и то,
что ты меня полюбишь!

5

Их было четверо в этот месяц,
но лишь один был тот, кого я любила.

Первый совсем для меня раззорился,
посылал каждый час новые подарки,
и продал последнюю мельницу, чтоб купить мне
запастья,
которые звякали, когда я плясала — закололся,
но он не был тот, кого я любила.

Второй написал в мою честь тридцать элегий
известных даже до Рима, где говорилось,
что мои щеки — как утренние зори,
а косы — как полог ночи,
но он не был тот, кого я любила.

Третий, ах третий был так прекрасен,
что родная сестра его удушилась косою
из страха в него влюбиться;
он стоял день и ночь у моего порога,
умоляя, чтоб я сказала: „приди“, но я молчала,
потому что он не был тот, кого я любила.

Ты же не был богат, не говорил про зори и ночи,
не был красив,
и когда на празднике Адониса я бросила тебе
гвоздику,
посмотрел равнодушно своими светлыми глазами,
но ты был тот, кого я любила.

Не знаю, как это случилось:
моя мать ушла на базар;
я вымела дом
и села за ткацкий станок.
Не у порога (клянусь!), не у порога я села,
а под высоким окном.
Я ткала и пела;
что еще? ничего.
Не знаю, как это случилось:
моя мать ушла на базар.

Не знаю, как это случилось:
окно было высоко.
Наверно, подкатил он камень,
или влез на дерево,
или встал на скамью.
Он сказал:
„Я думал, это малиновка,
а это — Пенелопа.

Отчего ты дома? здравствуй!“

— Это ты как птица лазаешь по застрехам,
а не пицешь своих любезных свитков
в суде. —

„Мы вчера катались по Нилу —
у меня болит голова.“

— Мало она болит,
что не отучила тебя от ночных гулянок. —
Не знаю, как это случилось:
окно было высоко.

Не знаю, как это случилось:
я думала ему не достать.

„А что у меня во рту, видишь?“

— Чему быть у тебя во рту?
крепкие зубы, да болтливый язык,
глупости в голове.

„Роза у меня во рту — посмотри.“

— Какая там роза! —

„Хочешь, я тебе ее дам,
только достань сама.“

Я поднялась на цыпочки,
я поднялась на скамейку,
я поднялась на крепкий станок,
я достала алую розу,
а он, негодный, сказал:

„ртом, ртом,

изо рта только ртом,
не руками, чур, не руками!“
Может быть, губы мои
и коснулись его, я не знаю.
Не знаю, как это случилось:
я думала, ему не достать.

Не знаю, как это случилось:
я ткала и пела;
не у порога (клянусь), не у порога сидела,
окно было высоко:
кому достать?
мать, вернувшись, сказала:
„что это, Зоя,
вместо нарциса ты выткала розу?
что у тебя в голове?“
Не знаю, как это случилось.

IV

МУДРОСТЬ

Я спрашивал мудрецов вселенной:
„зачем солнце греет?
зачем ветер дует?
зачем люди родятся?“

Отвечали мудрецы вселенной:
— солнце греет затем,
чтоб созревал хлеб для пищи
и чтобы люди от заразы мёрли.
Ветер дует затем,
чтоб приводить корабли к пристани дальней,
и чтоб песком засыпать караваны.
— Люди родятся затем,
чтоб расстаться с милою жизнью
и чтоб от них родились другие для смерти.

„Почему ж боги так все создали?
— Потому же,
почему в тебя вложили желание
задавать праздные вопросы.“

Что ж делать,
что багрянец вечерних облаков
на зеленоватом небе,
когда слева уж виден месяц
и космато-огромная звезда,
предвестница ночи —
быстро бледнеет,
тает

совсем на глазах?

Что путь по широкой дороге
между деревьев мимо мельниц,
бывших когда-то моими,
но промененных на запястья тебе,
где мы едем с тобой,
кончается там за поворотом
хотя б и приветливым
домом
совсем сейчас?

Что мои стихи,
дорогие мне,
так же как Каллимаку
и всякому другому великому,
куда я влагаю любовь и всю нежность,
и легкие от богов мысли,
отрада утр моих,
когда небо ясно
и в окна пахнет жасмином,
завтра
забудутся как и все?
Что перестану я видеть
твое лицо,
слышать твой голос?
Что выпьется вино,
улетучатся ароматы
и сами дорогие ткани
истлеют
через столетья?
Разве меньше я стану любить
эти милые хрупкие вещи
за их тленность?

Как люблю я, вечные боги,
прекрасный мир!
Как люблю я солнце, тростники
и блеск зеленоватого моря
сквозь тонкие ветви акаций!
Как люблю я книги (моих друзей),
тишину одинокого жилища,
и вид из окна
на дальние дынные огороды!
Как люблю пестроту толпы на площади,
крики, пенье и солнце,
веселый смех мальчиков, играющих в мяч!
Возвращенье домой
после веселых прогулок,
поздно вечером,
при первых звездах,
мимо уже освещенных гостинниц
с уже далеким другом!
Как люблю я, вечные боги,
светлую печаль,
любовь до завтра,
смерть без сожаленья о жизни,
где все мило,
которую люблю я, клянусь Дионисом,
всею силою сердца
и милой плоти!

Сладко умереть
на поле битвы
при свисте стрел и копий,
когда звучит труба
и солнце светит,
в полдень,
умирая для славы отчизны
и слыша вокруг:
„прощай, герой!“
Сладко умереть
маститым старцем
в том же доме,
на той же кровати,
где родились и умерли деды,
окруженным детьми,
ставшими уже мужами,
и слыша вокруг:
„прощай, отец!“

Но еще слаще,
еще мудрее,
истративши все именье,
продавши последнюю мельницу
для той,
которую завтра забыл бы,
вернувшись
после веселой прогулки
в уже проданный дом,
поужинать
и, прочитав рассказ Апулея
в сто первый раз,
в теплой душистой ванне,
не слыша никаких прощаний,
открыть себе жилы;
и чтоб в длинное окно у потолка
пахло левкоями,
светила заря,
и вдалеке были слышны флейты.

Солнце, солнце,
божественный Ра-Гелиос,
тобою веселятся
сердца царей и героев,
тебе ржут священные кони,
тебе поют гимны в Гелиополе;
когда ты светишь,
ящерицы выползают на камни
и мальчики идут со смехом
купаться к Нилу.

Солнце, солнце,
я — бледный писец,
библиотечный затворник,
но я люблю тебя, солнце, не меньше,
чем загорелый моряк,
пахнувший рыбой и соленой водою,
и не меньше,

чем его привычное сердце
ликует
при царственном твоём восходе
из океана,
мое трепещет,
когда твой пыльный, но пламенный луч
скользнет
сквозь узкое окно у потолка
на исписанный лист
и мою тонкую желтоватую руку,
выводящую киноварью
первую букву гимна тебе,
о Ра-Гелиос солнце!

V

ОТРЫВКИ

Сын мой,
настало время расстаться.
Долго не будешь ты меня видеть,
долго не будешь ты меня слышать,
а давно ли
тебя привел твой дед из пустыни
и ты сказал, смотря на меня:
„это бог Фта, дедушка?“
Тепер ты сам как бог Фта
и ты идешь в широкий мир,
и ты идешь без меня,
но Изиды везде с тобою.
Помнишь прогулки
по аллеям акаций
во дворе храма,
когда ты говорил мне о своей любви
и плакал, бледнея смуглым лицом?

Помнишь, как со стен храма
мы смотрели на звезды
и город стихал,
вблизи, но далекий?

Я не говорю о божественных тайнах.
Завтра другие ученики придут ко мне,
которые не скажут: „это бог Фта?“
потому что я стал старше,
тогда как ты стал походить на бога Фта,
но я не забуду тебя,
и мои думы,
мои молитвы
будут сопровождать тебя в широкий мир,
о сын мой.

Когда меня провели сквозь сад
через ряд комнат — направо, налево —
в квадратный покой,
где под лиловатым светом сквозь занавески
лежала
в драгоценных одеждах
с браслетами и кольцами
женщина, прекрасная как Гатор,
с подведенными глазами и черными косами—
я остановился.

И она сказала мне:

„Ну?“

а я молчал,
и она смотрела на меня улыбаясь
и бросила мне цветок из волос,
желтый.

Я поднял его и поднес к губам,
а она косясь сказала:

„ты пришел затем,
мальчик,

чтоб поцеловать цветок брошенный на пол?“

— Да, царица — промолвил я —
и весь покой огласился
звонким смехом женщины
и ее служанок;
они разом всплескивали руками,
разом смеялись,
будто сестры на празднике Иэиды,
враз ударяемые жрецами.

Что за дождь!

Наш парус совсем смок
и не видно уж, что он — полосатый.

Румяна потекли по твоим щекам,
и ты — как тирский красильщик.

Со страхом переступили мы
порог низкой землянки угольщика;
хозяин со шрамом на лбу
растолкал грязных в коросте ребят
с больными глазами,

и поставив обрубок перед тобою,
смахнул передником пыль
и хлопнув рукою сказал:

„не с'ест ли лепешек, господин?“

А старая черная женщина
качала ребенка и пела:

„если б я был фараоном,
купил бы я себе две груши:
одну бы я дал своему другу,
другую бы я сам скушал“.

Снова увидел я город, где я родился
и провел далекую юность;
я знал,
что там уже нет родных и знакомых,
я знал,
что сама память обо мне там исчезла,
но дома, повороты улиц,
далекое зеленое море —
все напоминало мне
неизмененное, —
далекие дни детства,
мечты и планы юности,
любовь, как дым улетевшую.
Всем чужой,
без денег,
не зная, куда склонить главу,
я очутился в отдаленном квартале,
где из-за спущенных ставен светились огни
и было слышно пенье и тамбурины
из внутренних комнат.

У спущенной занавески
стоял завитой хорошенький мальчик,
и как я замедлил шаги, усталый,
он сказал мне:
„авва,
ты кажешься не знающим пути
и неимеющим знакомых?
зайди сюда:
здесь все есть,
чтоб чужестранец забыл одиночество,
и ты можешь найти
веселую беспечную подругу
с упругим телом и душистой косой“.
Я медлил, думая о другом,
а он продолжал, улыбаясь:
„если тебя это не привлекает,
странник,
здесь есть и другие радости,
которых не бежит смелое и мудрое сердце“.
Переступая порог, я сбросил сандалии,
чтобы не вносить в дом веселья
священного песка пустыни.
Взглянув на привратника,
я увидел,
что он был почти нагой —
и мы пошли дальше по корридору,
где издали
звучали бубны навстречу.

Три раза я его видел лицом к лицу.
В первый раз шел я по саду,
посланный за обедом товарищам,
и, чтобы сократить дорогу,
путь мимо окон дворцового крыла избрал я,
вдруг я слышал звуки струн,
и как я был высокого роста,
без труда увидел в широкое окно
его:
он сидел печально один,
перебирая тонкими пальцами струны лиры,
а белая собака
лежала у ног не ворча,
и только плеск водомета
мешался с музыкой.
Почувствовав мой взгляд,
он опустил лиру
и поднял опущенное лицо.

Волшебством показалась мне его красота
и его молчанье в пустом покое
полднем!

И крестясь я побежал в страхе
прочь от окна...

Потом я был на карауле в Лохие
и стоял в переходе,
ведущем к комнате царского астролога.
Луна бросала светлый квадрат на пол,
и медные украшения моей обуви,
когда я проходил светлым местом,
блестели.

Услышав шум шагов,
я остановился.

Из внутренних покоев,
имея впереди раба с факелом,
вышли три человека
и он между ними.

Он был бледен,
но мне казалось,
что комната осветилась
не факелом, а его ликом.

Проходя он взглянул на меня
и, сказав: „я тебя видел где-то, приятель“,
удалился в помещение астролога.

Уже его белая одежда давно исчезла
и свет от факела пропал,
а я все стоял, не двигаясь и не дыша,

и когда, легши в казарме,
я почувствовал,
что спящий рядом Марций
трогает мою руку обычным движением,
я притворился спящим.
Потом еще раз вечером
мы встретились.
Недалеко от походных палаток Кесаря
мы купались,
когда слышали крики.
Прибежав мы увидели, что уже поздно.
Вытащенное из воды тело
лежало на песке,
и то же неземное лицо,
лицо колдуна,
глядело незакрытыми глазами.
Император издали спешил,
пораженный горестной вестью,
а я стоял, ничего не видя,
и не слыша, как слезы, забытые с детства,
текли по щекам.
Всю ночь я шептал молитвы,
бредил родною Азией, Никомидией,
и голоса ангелов пели:
„Осанна!
Новый бог
дан людям!“

VI

КАНОПСКИЕ ПЕСЕНКИ

В Канопе жизнь привольная:
с'ездим, мой друг, туда.
Мы сядем в лодку легкую,
доедем мы без труда.
Вдоль берега спокойного
гостинницы все стоят —
террасами прохладными
проезжих к себе манят.
Возьмем себе отдельную
мы комнату, друг, с тобой;
венками мы украсимся
и сядем рука с рукой.
Ведь поцелуям сладостным
не надо нас, друг, учить:
Каноп священный, благостный,
всю грусть может излечить.

Не похожа ли я на яблоню,
яблоню в цвету,
скажите, подруги?
Не так же ли кудрявы мои волосы,
как ее верхушка?
Не так же ли строен мой стан,
как ствол ее?
Мои руки гибки как ветки.
Мои ноги цепки как корни.
Мои поцелуи не слаще ли сладкого яблока?
Но ах!
Но ах!
хороводом стоят юноши,
вкушая плодов с той яблони,
мой же плод,
мой же плод
лишь один зараз вкушать может!

Ах наш сад, наш виноградник
надо чаще поливать
и сухие ветки яблонь
надо чаще подрезать.
В нашем садике укромном
есть цветы и виноград;
кто увидит кисти гроздей
всякий сердцем будет рад.
И калитка меж кустами
там прохожего манит —
ей Зевес-Гостеприимец
быть открытою велит.
Мы в калитку всех пропустим,
мы для всех откроем сад,
мы не скупы: всякий может
взять наш спелый виноград.

Адónиса Киприда ищет —
по берегу моря рыщет
как львица.

Киприда богиня утомилась —
у моря спать она ложилась —
не спится —

мерещится ей Адónис белый,
ясный взор его помертвелый,
потухший. —

Вскочила Киприда, чуть дышит,
усталости она не слышит
минувшей.

Прямо к месту она побежала,
где Адónиса тело лежало
у моря. —

Громко, громко Киприда вскричала,
и волна шумливо роптала
ей вторя.

Кружитесь, кружитесь:

держитесь

крепче за руки!

Звуки

звонкого систра несутся, несутся,

в рощах томно они отдаются.

Знает ли нильский рыбак,

когда бросает

сети на море, что он поймает? .

охотник знает ли

что он встретит,

убьет ли дичь, в которую метит?

хозяин знает ли

не побьет ли град

его хлеб и его молодой виноград?

Что мы знаем?

Что нам знать?

О чем жалеть?

Кружитесь, кружитесь:

держитесь

крепче за руки!

Звуки

звонкого систра несутся, несутся,

в рощах томно они отдаются.

Мы знаем,

что все — превратно,

что уходит от нас безвозвратно.

Мы знаем,

что все — тленно

и лишь изменчивость неизменна.

Мы знаем,

что милое тело

дано для того, чтоб потом истлело.

Вот что мы знаем,

вот что мы любим,

за то что хрупко

трижды целуем!

Кружитесь, кружитесь:

держитесь

крепче за руки.

Звуки

звонкого систра несутся, несутся,

в рощах томно они отдаются.

VII

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ах, покидаю я Александрию
и долго видеть ее не буду!
Увижу Кипр, дорогой Богине,
увижу Тир, Ефес и Смирну,
увижу Афины — мечту моей юности,
Коринф и далекую Византию
и венец всех желаний,
цель всех стремлений —
увижу Рим великий! —
Все я увижу, но не тебя!
Ах покидаю я тебя, моя радость,
и долго, долго тебя не увижу!
Разную красоту я увижу
в разные глаза насмотрюсь,
разные губы целовать буду,
разным кудрям дам свои ласки,
и разные имена я шептать буду
в ожиданьи свиданий в разных рощах.
Все я увижу, но не тебя!

1905—1908

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
1 Мои предки	9

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I Любовь этого лета

1 Где слог найду, чтоб описать прогулку . . .	11
2 Глаз змеи, змеи извивы	13
3 Ах, уста, целованные столькими	17
4 Умывались, одевались	19
5 Из поднесенной некогда корзины	20
6 Зачем луна, поднявшись, розовеет	21
7 Мне не спится: дух томится	22
8 Каждый вечер я смотрю с обрывов	23
9 Сижу, читая я сказки и были	25
10 Я изнемог, я так устал	26
11 Ничего, что мелкий дождь смочил одежду . .	27
12 Пароход бежит, стучит	29

II Прерванная повесть

1 Мой портрет	33
2 В театре	34
3 На вечере	36
4 Счастливей день	37
5 Карточный домик	38
6 Несчастней день	39

	Стр.
7 Мечты о Москве	40
8 Утешение	41
9 Целый день	42
10 Эпиграф	44

III Разные стихотворения

1 На берегу сидел слепой ребенок	47
2 Любви утехы	48
3 Серенада	49
4 Флейта Вафилла	50
5 „Люблю“, сказал я не любя	52
— 6 О, быть покинутым — какое счастье!	53
7 Мы проехали деревню, отвели нам отвода	54
8 При взгляде на весенние цветы	56

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I Ракеты

1 Маскарад	63
2 Прогулка на воде	64
3 Надпись к беседке	65
4 Вечер	66
5 Разговор	67
6 В саду	69
7 Кавалер	71
→ 8 Утро	72
9 Эпитафия	73

II Обманщик обманувшийся

— 1 Туманный день пройдет уныло	77
2 Вновь я бессонные ночи узнал	78
3 Строят дом перед окошком,	80
4 Отрадно улетать	81
5 Где сомненья? где томленья?	83

III Радостный путник

Стр.

1	Светлая горница — моя пещера	87
2	Снова чист передо мною первый лист	88
3	Горит высоко звезда рассветная	89
4	В проходной сидеть на диване	90
5	Что приходит, то проходит	91
6	Уж не слышен конский топот	92

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

I Мудрая встреча

1	Стекла стынут от холода	99
2	О, плакальщики дней минувших	100
3	Окна плотно занавешены	101
4	Моя душа в любви не кается	102
5	Я вспомню нежные песни	103
6	О, милые друзья, дорогие костыли	104
7	Как отраднo, сбросив трепет	105
8	Легче весеннего дуновения	106
9	Двойная тень дней прошлых и грядущих	107

II Вожатый

1	Я цветы собираю пестрые	111
2	„Лето Господнее — благоприятно“	112
3	Пришел издалека жених и друг	113
4	Взойдя на ближнюю ступень	114
5	Пусть сотней грех вонзался жал	116
6	Одна нога — на облаке, другая на другом	117
7	С тех пор всегда я не один	118

III Струи

1	Сердце, как чаша наполненная	123
2	Истекай, о сердце, истекай	124
3	На твоей планете всходит солнце	125

	Стр.
4 Я вижу — ты лежишь	126
5 Ты знал, зачем протрубили трубы	127
6 Как меч мне сердце прободал	128
7 Ладана тебе не надо	129
8 Ты как воск	130
9 Если мне скажут	131

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Александрийские песни

I Вступление

1 Как песня матери	139
2 Когда мне говорят: „Александрия“	140
3 Вечерний сумрак над теплым морем	141

II Любовь

-1 Когда я тебя в первый раз встретил	145
2 Ты — как у гадателя отрок	146
-3 Наверно в полдень я был зачат	147
4 Люди видят сады с домами	148
5 Когда утром выхожу из дома	149
6 Не напрасно мы читали богословов	150
7 Если б я был древним полководцем	151

III Она

1 Нас было четыре сестры	155
2 Весною листья меняет тополь	157
3 Сегодня праздник	158
4 Разве неправда	160
5 Их было четверо в этот месяц	162
6 Не знаю, как это случилось	164

	Стр.
IV Мудрость	
1 Я спрашивал мудрецов вселенной	169
2 Что ж делать	170
3 Как люблю я, вечные боги	172
4 Сладко умереть	173
5 Солнце, солнце	175
V Отрывки	
1 Сын мой	179
2 Когда меня провели сквозь сад	181
3 Что за дождь!	183
4 Снова увидел я город	184
5 Три раза я его видел	186
VI Канопские песенки	
1 В Канопе жизнь привольная	191
2 Не похожа ли я на яблоню	192
3 Ах наш сад, наш виноградник	193
4 Адониса Киприда ищет	194
5 Кружитесь, кружитесь	195
VII Заключение	
Ах покидаю я Александрию	199

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL

00034982564